

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

Государю очень нужны деньги, и едвали не для Вюртембергской свадьбы. Вчерась В. А. Ш. пересказывалъ мнѣ о перепискѣ по этому предмету съ министерствомъ. Изъ 300 т. р. ср., которые мы имѣемъ въ распоряженіи, взять, кажется, много нельзя. У м-ра ви. дѣлъ взято 500 т., изъ свѣчныхъ синодскихъ 8 т. Толки по городу до невѣроятности дерзки. Одинъ смѣльчакъ (это генераль Кавелинъ) сказалъ даже: говорить, что Государь утвердилъ имѣніе въ пользу д. с. с. Войцеховича (дѣло объ имѣніи), потому что гр. Протасовъ нашелъ возможнымъ дать свѣчныя деньги. Дерзость языковъ и ропотъ неудовольствія съ нѣкотораго времени дошли до неслыханной прежде степени гласности.

У насъ, по имянному указу, взято 200,000 р. серебр. И за то спасибо!

Мои дѣла запутываются. Мы съ Пинскимъ объявили другъ другу войну, и мнѣ надобно ожидать увольненія. Тутъ рождается вопросъ: что предприму я? Я обращаюсь къ гр. Блудову, попрошу его принять меня на первый разъ хотя безъ жалованья. Трудъ пріобрѣтеть довѣріе, и время можетъ быть, сравняетъ этотъ трудный для меня промежутокъ. Я опасаюсь В. А. Ш.: онъ скорѣ и, рѣшившись, обдумываетъ не о томъ какъ согласить виды просителя, но какъ бы усилить дѣйствіе своего рѣшенія. Главное беспокоитъ меня то, что это разстройство почувствуетъ все мое семейство.

Я читалъ въ Сѣверной Пчелѣ статью П. И. Дегаля о Баденскомъ судопроизводствѣ. Статья эта короче титуловъ автора, и я не знаю, тому или другому должно болѣе удивляться.

Сегодня, 3 Февраля, я зашелъ къ Сергѣю Муравьеву ²⁾. Семейство, жена и 4 дочери приготовлялись идти обѣдать къ бабушкѣ. Квартира

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1910 года, книга II, выпускъ 7-й, стр. 333 и выпускъ 8-й, стр. 465.

²⁾ Это младшій братъ графа М. Н. Муравьева Виленскаго. П. Б.

наполнена. Въ домѣ нѣтъ ни копѣйки. „Ни крошки табаку“, сказалъ онъ мнѣ. Морозъ 20°. Холодъ и голодъ во всемъ смыслѣ этихъ словъ господствуютъ въ этомъ несчастномъ семействѣ, хотя все скрывается приличіемъ болѣе нежели умѣреннымъ. Со мною было рубль мелочи, и на эту огромную сумму купили табаку, говядины, хлѣба... Какъ мнѣ припомнило это суму изъ романа Поль-де-Кока—Moustache. Я не могъ долго сидѣть отъ холода. Завтра пошлю сколько-нибудь женѣ, которая, съ малютками, заслуживаетъ участія. Но чтоже дѣлають братья?

*

Макиавелли могъ бы сказать, и я не осудилъ бы его: „Лучше, по времени и въ извѣстныхъ, даже во многихъ, даже вообще останавливать дѣйствіе закона, нежели терпѣть его отсутствіе въ законодательствѣ“. Это весьма важно. Конечно въ строгомъ смыслѣ это несовсѣмъ справедливо, но справедливость, входя въ сферу отношеній положительныхъ, неминуемо должна подчиняться требованіямъ мѣста и времени. Но представительница права, государственная власть, для своего достоинства и въ глазахъ другихъ, не должна давать повода къ упреку въ отсутствіи закона. Она можетъ найти оправданіе въ требованіи обстоятельствъ относительно допускаемыхъ ею частныхъ или общихъ изъятій, но она не найдетъ извиненія въ томъ, что этого закона нѣтъ, что мѣра, требуемая правосудіемъ, ею не принята. Конечно законы пишутся для ихъ исполненія; но надобно замѣтить, что законъ, въ дѣйствительномъ его примѣненіи, касается весьма немногихъ лицъ; для большей части, для всей массы онъ есть стражъ, успокаивающій умы, онъ есть объѣтъ правосудія, къ которому прибѣгнуть десять чловѣкъ, но о которомъ думаютъ всѣ. Не должно здѣсь принимать въ соображеніе низкую степень образованности общества: законъ долженъ предупреждать развитіе государства; всякое государство во всякомъ обществѣ должно думать о своемъ достоинствѣ; притомъ же дѣйствія его въ виду другихъ, и оно не должно вызывать нарѣканій, умаляющихъ довѣріе; въ самомъ этомъ обществѣ есть, и конечно немало, лицъ, имѣющихъ высокое образованіе, а правосудіе должны быть для всѣхъ.

*

Я читалъ любопытныя статьи о Нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ. Написанныя Французами и при томъ путешественниками, статьи эти неточны, часто поверхностны, но онѣ выражаютъ общее—самое выгодное для союза—мнѣніе Германіи и представляютъ дѣло довольно безпристрастно. Несомнѣнно то, что союзъ далъ свободу обращенія, крѣпче соединилъ соплеменныхъ, усилилъ производительность и много уменьшилъ поводы къ рискованнымъ предпріятіямъ и контрабандѣ. Я

не вѣрю, чтобы Пруссія дѣйствительно терпѣла убытки: цифры повинуются нашимъ сложениямъ, и Прусское участіе въ союзѣ очень достаточно для того, чтобы восполнить эти убытки. Еще съ 1842 г. говорили мнѣ, что несмотря на выгодный балансъ правительства, напр. Саксонскаго и Баварскаго, благосостояніе народное въ сихъ земляхъ примѣтно умалилось, а ропотъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и торговыхъ домовъ удостовѣряется нерѣдкими банкротствами. Впрочемъ надобно надѣяться, что торговое единство уравниетъ выгоды и невыгоды и преобладаніе одного члена, пробудя соревнованіе въ другихъ, будетъ способствовать развитію и утвержденію положительныхъ началъ политическихъ и нравственныхъ.

Низведеніе ассоціацій до недѣлимыхъ есть задача человѣчества.

*

Какой-то глухой слухъ разнесся о бунтѣ, вспыхнувшемъ въ Краковѣ, Лембергѣ и Познани. Что это такое, къ чему это приведетъ, насколько еще усилить реакцію, въ свою очередь поддерживающую скрытное и тѣмъ болѣе опасное противодѣйствіе? Много нужно ума и воли, чтобы въ время захватить эти явленія болѣзни и привести въ здоровое, нормальное состояніе.

Я все остаюсь при томъ мнѣніи, что хитрость вредитъ хитрецу—*malum consilium consultori pessimum*—не въ наше время можно надѣяться на притворныя мѣры. Мы тщеславимся покровительствомъ просвѣщенія, мы назойливо выдаемъ себя за прямыхъ и безкорыстныхъ, хотя тутъ много лжи и эгоизма, но тѣмъ не менѣе въ тщеславіи мы пропускаемъ многое, не замѣчая, и въ большинствѣ о многомъ проговариваемся, не разсуждая. Въ общемъ ходѣ развитія противодѣйствіе полезно, но оно полезно для будущаго, для настоящаго оно всегда губительно. Я это знаю.

Краковское дѣло имѣетъ видъ важнаго явленія. Волынь и Подолія объявлены въ военномъ положеніи; приняты общія мѣры по военному вѣдомству поставленіемъ войска на военную ногу. Много говора. Но я прочелъ въ газетахъ, что это дѣло начато коммунистами. Секта коммунистовъ еще такъ далека отъ дѣйствительности, что тутъ трудно предполагать постоянство и прочность. Въ самомъ нелегальномъ дѣлѣ—каковымъ должно считать всякое возстаніе—это есть заблужденіе и притомъ заблужденіе теоретическое.

*

Сего 1846 г. 22 Февраля умеръ извѣстный литераторъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Участіе, оказанное его семейству Государемъ и общее участіе пишущаго и читающаго свѣта обнаружили несомнѣнно и благородно. Нельзя не порадоваться этой признательности къ таланту

замѣчательному, чувству сильному и трудамъ многолѣтнимъ. Мы дѣйствительно лишились заслуженнаго человѣка. Миръ праху твоему, усопшіи согражданинъ. Память о тебѣ надолго останется въ насъ и въ дѣлахъ нашихъ. Н. А. Полевой началъ свое литературное поприще въ 1820 годахъ, а литературную славу и вліяніе съ 1825, съ изданіемъ Телеграфа. Въ 1832—1835 г.г. онъ достигъ той степени, какой только могъ достигнуть. Въ этомъ 1835 г. онъ былъ выбитъ изъ сѣдла, растерялся, хватался за соломинку на право и на лѣво и постепенно нисходилъ, упавалъ и умиралъ, пока наконецъ не дошелъ до горькой участи притворнаго рассказчика, газетнаго сотрудника и бѣдствующаго пенсіонера. Онъ не имѣлъ высокаго творчества, онъ признавалъ убѣжденіе за личину, онъ не углубился ни въ одинъ предметъ, мысль о которомъ, какъ звѣзда путеводная, спасла бы его при крушеніи. Литераторъ въ полномъ смыслѣ, публицистъ, критикъ и библиографъ, онъ лучше всѣхъ умѣлъ понимать массу читающей публики, любилъ этотъ средній классъ и былъ любимъ имъ, возвысилъ его Европейскими статьями своего журнала и возвысился самъ на степень оракула и протектора. По переездѣ въ Петербургъ, Полевой, не имѣя самостоятельности, жилъ и трудился изъ насущнаго хлѣба. Здѣсь онъ уже взялся за лестъ, сперва власти, а когда она не удовлетворила видамъ писателя, взялся за лестъ толпѣ и наконецъ унизился до спекуляцій на вкусъ торговцевъ и даже называлъ себя Московскимъ купчиною. Чтó дѣлать, семья ѣсть просить. Но и здѣсь, по воззрѣнію, по выраженію вездѣ видѣнъ былъ Полевой, съ открытою душою, съ чувствомъ достоинства и съ свободою рѣчи, часто небрежной, но всегда бойкой и нерѣдко превосходной. Любя разоблачать мнимыя знаменитости и пріучивъ не признавать авторитета, кромѣ личнаго убѣжденія, Полевой самъ подрывалъ основаніе литературнаго своего могущества. Поэтому неудивительно, если послѣ первыхъ порывовъ суетнаго общества къ изліянію своего уваженія, Полевой вполне будетъ оцѣненъ только со временемъ какимъ-нибудь добросовѣстнымъ историкомъ литературы, а въ нашу эпоху его будутъ хвалить, чтобъ унизить другого или омытъ себя отъ прежнихъ личностей.

*

Много толковъ о д. с. с. Александрѣ Павловичѣ Величко. Его отставили отъ службы за неприличные званію поступки и посадили въ исправительное заведеніе. Зная Величко, я не сомнѣваюсь, что онъ могъ дать поводъ къ такимъ мѣрамъ: злой языкъ, при оскорбленномъ самолюбіи, дерзкія рѣчи и праздная жизнь въ изысканіи средствъ поддержать свое состояніе, совершенно разстроенное займами и безуспѣшностью предпріятій, все это могло привести къ поступкамъ неприлич-

нымъ его званію и къ заключенію въ исправительное заведеніе. Онъ давно уже не платилъ долговъ. Но на все есть порядокъ и форма. Онъ могъ быть уволенъ и безъ публикаціи въ газетахъ, онъ могъ быть посаженъ въ долговую тюрьму и безъ особаго повелѣнія. Величко имѣетъ теперь право жаловаться, а какъ жаловаться некому, онъ будетъ роптать. Ропотъ всегда вреденъ. А. П. Величко, какъ весьма многіе, испытываетъ мщеніе времени за старое.

Повиновеніе безъ уваженія, подчиненіе безъ повиновенія и наоборотъ есть безнравственность. Мнѣ очень дорого и мое достоинство и честь вѣдомства, а потому я употребляю всѣ усилія, чтобы перемѣнить мѣсто.

*

Воспитатель Наслѣдника Цесаревича генералъ Кавелинъ помѣшался. По городу ходятъ престранные анекдоты, изъ которыхъ нѣкоторые рассказаны мнѣ очевидцами и между прочимъ М. И. Топильскимъ. Это какая-то раздражительность, экзальтація въ высочайшей степени. Онъ ругаетъ всѣхъ въ глаза и за глаза. По увольненіи его изъ генераль-губернаторовъ при прощальномъ представленіи чиновниковъ онъ началъ губернатору, оберъ-полицеймейстеру, предсѣдателямъ и всѣмъ вычислять—тоже въ глаза—кто воръ, кто не воръ. Наглость, извиняемая развѣ однимъ помѣшательствомъ. О причинахъ сумасшествія говорятъ различно. По общему отзыву оно должно быть приписано неудовольствіямъ по службѣ отъ министра внутр. дѣлъ и оберъ-полицеймейстера и противорѣчію, въ которомъ находился довѣренный чело-вѣкъ Государя подъ распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ. Особенно изливается неудовольствіе его на директора Лекса и на корпусъ полиціи, на слѣдственныхъ приставовъ. Не одно это событіе требуетъ вниманія. Сумасшествіе есть признакъ дурныхъ соковъ въ общественномъ организмѣ.

*

Я прочелъ трагедію или драму Степана Гедеонова: Смерть Ляпунова. Видна свѣжесть таланта, но небольшого; много романтическихъ разительныхъ противоположностей, больше подражательности; весьма мало изученія, еще менѣе оконченности въ отдѣлкѣ. Это картины, а не драма. Марина съ Волынскимъ напоминаетъ Андромаху съ Орестомъ. На сценѣ должно быть много эффектовъ отъ игры Каратыгина, для котораго, кажется, написана вся пьеса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть много бородачей и простонародности.

*

Я снова (почти послѣ 10 лѣтъ) увидѣлся съ Закревскимъ. Онъ выросъ и укрѣпился въ томъ, что началъ. Подъ наружною легкости,

шутовства и актерства—умѣнья сходиться съ людьми, узнавать ихъ слабости, отыгрываться отъ требованій и не забывать себя или думать о себѣ. Комфортъ сдѣлалъ изъ него совершенную гору. Желалъ бы я знать мысли о немъ жены его. Я не думаю, чтобы былъ человѣкъ, который бы могъ обидѣть его, такъ онъ необидчивъ, но не думаю также, чтобы кто нибудь искренно любилъ его.

*

Государь случайно взглянулъ въ списокъ гражданскихъ чиновниковъ и приказалъ удалить всѣхъ, кто не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. По военному вѣдомству подобная переборка уже была. Думаютъ о сокращеніи штатовъ, думаютъ поуменьшить чиновный классъ и нравственно улучшить его. Высочайше повелѣно представлять послужные списки отъ 14 до 1 класса въ собственныя руки. Хотя бы учредить высшій нравственный контроль. Спекуляторы, какъ откупщики, въ открытой опалѣ. Успѣхи высшихъ дворянскихъ фамилій, какъ представляющихъ надежное ручательство нравственности и достоинства, идутъ быстрыми шагами. Начинаются преобразованія систематическія, въ началахъ, всеобъемлющія. Общее неудовольствіе вызываетъ общее требованіе, общія мѣры. Толкуютъ, хлопчуютъ, тревожатся... Дай Богъ, чтобы изъ этого что нибудь выработалось. Дай Богъ поменьше жертвъ.

*

У меня очень долго сидѣлъ и говорилъ о Сибири возвратившійся съ ревизіи восточной ея половины М. А. Безобразовъ. Ревизионная коммисія (какъ видно) не имѣла главы. Молодежь иногда сама не узнавала себя въ новомъ положеніи. Вообще, по постоянному отзыву, надобно думать, что въ Сибири господствуетъ неблагонамѣренный произволъ власти и монополія капиталистовъ. Раздѣленіе инстанцій исчезаетъ, всякая высшая поглотаетъ низшую, и все сливается въ генералъ-губернаторъ, который тѣмъ отличается отъ отдаленной централизованной власти, что надъ нимъ нѣтъ контроля, нѣтъ даже соревнованія отдѣльныхъ вѣдомствъ, которое нерѣдко вводитъ въ границы забывчиваго министра. Соперничество министровъ и отдѣльность вѣдомствъ, столь вредныя въ другихъ краяхъ, у насъ есть прекрасное огражденіе порядка. Мы весьма часто ратуемъ за справедливость, чтобы помѣшать другому. Общее мѣсто „общая польза“ мало по малу пріобрѣтаетъ право гражданства. Въ Сибири еще не то. Тамъ нѣтъ соревнованія вѣдомствъ, тамъ мы видимъ колонію и назначаемъ туда проконсуловъ. Тамъ еще отыгрываются фразой: „требованіе мѣстности“, а что такое эта мѣстность Канская, Камчатская, ее впрочемъ самъ генералъ-губернаторъ знаетъ не болѣе дюка-де-Ришилье.

Очень охуждаютъ учрежденіе М. М. Сперанскаго, превозносятъ распоряженія Трескина. На чемъ свѣтъ стоитъ, ругаютъ управленіе настоящее. Не должно ли видѣть въ этомъ страсть къ оригинальности, къ похвалѣ противнаго и то общее стремленіе порицать не нами сдѣланное, которое такъ обыкновенно въ нашъ аналитическій вѣкъ? Я всегда защищалъ пользу и необходимость мѣстной власти, но я всегда былъ противъ *главной* мѣстной власти. Это раздробленіе централизаціи есть очевидное противорѣчіе. Отъ Якутска и Охотска Иркутскъ немного ближе Петербурга, и Пестель управлялъ Сибирью съ Англійской набережной. Мѣстная власть (не главная), постоянная современная отчетность и немнимый контроль: вотъ начала нашего управленія, по моему мнѣнію. Ни скучной дробности инстанцій, ни элемента представительнаго, ни ранней гласности. Всѣ эти Европейскія формы не по нашему огромному и голому стану. Они стѣсняють благонамѣренность, гнѣздятъ вымогательство и выводятъ изъ терпѣнія. Но—желая быть Европейцами, надобно желать искренно. Мы до сихъ поръ смотримъ волками, и потому Европейцу едва ли ужиться съ нами.

*

Сегодня, 6 Мая, погребена Е. Ѳ. Ребиндеръ молодая женщина, жена молодого мужа, всѣми любимая и достойная любви. Она довольно давно сдѣлалась болѣзненнойю, испытывала разные методы леченія, разстраивалась, поправлялась, но постоянно страдала. Кончилось тѣмъ, что она упорно отказывалась отъ всякой пищи и потому (грустно вымолвить) смерть ея должно приписать самоубійству. Еще жертва, еще много будетъ жертвъ. Помилуй насъ, Господи! На дняхъ померли два брата Иванъ и Петръ Веймарны, всѣми любимые и уважаемые, благонамѣренные и свѣдущіе. Ихъ искренно сожалѣють всѣ, кто зналъ, и надобно замѣтить, что это сожалѣніе не притворно.

*

Молодой про-императоръ нашъ, Цесаревичъ при какомъ-то случаѣ выразился на счетъ службы Нѣмцевъ и Русскихъ: Нѣмцы служатъ намъ, а Русскіе, какъ они говорятъ, государству*). Не говоря о несправедливости этого подраздѣленія и самой мысли различнаго служенія, особенно въ Россіи, царскому дому и царству, я сомнѣваюсь, чтобы даже молодой царевичъ позволилъ себѣ такъ неполитически выразиться. Хотя мнѣ пересказывалъ объ этомъ сановный старецъ, но я думаю, что это выдумка противниковъ Нѣмецкой партіи, постепенно слабѣющей послѣ смерти почетныхъ ея защитниковъ. Партія эта, по личной преданности всякой царствующей власти, весьма важна, особенно въ виду

*) Уже тогда проявлялись Нѣмецкія сочувствія Александра Николаевича, погубившія его; это вліяніе бабушки. П. Б.

партіи собственно Русской, высшей аристократіи, всегда своенравной и нерѣдко заносчивой. Партія Нѣмецкая была очень могущественна, всегда откровенно предана монархическому чистому началу, и уничтоженіе ея было бы вредно, въ настоящее время болѣе вредно, нежели когда нибудь. Всякая односторонность рано или поздно приводитъ къ необходимости, ибо вращается въ одномъ и томъ же. Нѣмецкая партія устраняетъ эту необходимость, противопоставляя Русскому упрямству Нѣмецкую добросовѣстную исполнительность даже такимъ повелѣніямъ, которыя найдутъ оправданіе развѣ въ одной минутной необходимости. Нѣмцы этимъ всегда брали и всегда возмуть; въ этомъ отношеніи Русскіе Нѣмцамъ никогда не составляютъ оппозиціи; они никогда не рѣшатся на инициативу и въ виду Русскихъ, какъ пришельцы, всегда будутъ отличаться вѣрноподданическою, безусловною исполнительностію. Коль скоро чистое монархическое начало въ Россіи поколеблется, Нѣмцамъ жить будетъ нельзя. Исчезновеніе Нѣмецкой партіи будетъ явнымъ признакомъ ослабленія самодержавія. Надобно замѣтить, что Нѣмецкій умъ силенъ однимъ терпѣніемъ, онъ никогда не выдержитъ соперничества съ Русскимъ. Какъ пришельцы и въ незначительномъ количествѣ, Русскіе Нѣмцы, послѣ Цыганъ и Евреевъ, составляютъ сотню гостей, которые никогда не будутъ въ состояніи показать умъ самостоятельный, умъ хозяина, хотя не просвѣщеннаго, даже малообразованнаго, но знающаго гдѣ что лежитъ, гдѣ что положить. Онъ не можетъ развить своего, ибо онъ чужой; онъ едва справляется съ Латышемъ, ибо дѣйствуетъ озираясь посреди иноплеменныхъ, въ видахъ власти, въ ожиданіи личныхъ видовъ, въ землѣ, которая ему не родная. Екатерина II справедливо говорила о Нѣмцахъ, какъ ихъ ни корми, они все въ лѣсъ смотрятъ. Но, повторяю: партія эта полезна для самодержавія, и зло, отъ нея происходящее, едва ли будетъ или лучше едва ли уже можетъ быть такъ велико, какъ было и какъ велико можетъ быть отъ односторонняго развитія партіи Русской, стремящейся утвердиться въ видѣ поземельной аристократіи.

*

На дняхъ я прочелъ въ двухъ-трехъ журналахъ о какой-то *натуральной* школѣ, главою которой считаютъ Гоголя и о которой я хочу сказать нѣсколько словъ. Натуральная школа говоритъ правду, что есть грязь и золото, грубость и утонченное образованіе. Натуральность эта отличается отъ дѣйствительности тѣмъ, что въ ней нѣтъ пошлости, удѣла посредственности. Это справедливо. Но, за симъ, различіе натуральной школы будетъ состоять въ томъ, что она описываетъ событія и предметы изъ сферы и класса низшаго слоя общества, не идеалы, но оригиналы, доходящіе нерѣдко до преувеличенныхъ

карикатуръ. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ о превосходствѣ и пользѣ этой школы. Образованность, литература есть соль народной жизни. Она должна выражать въ положительныхъ наукахъ—понятія народа о правдѣ и истинѣ; въ поэзіи, въ творческихъ изданіяхъ поэтическаго таланта—понятія народа объ идеалѣ, о лучшемъ. Тогда только поэзія есть вдохновеніе и благородное орудіе народнаго развитія.

Народная натуральная школа есть сатира, облеченная въ господствующую нынѣ форму романа или разсказа, какъ прежде она облекалась въ форму оды, воззванія, посланія. Я очень люблю читать Гоголя, Гребенку и другихъ, но я никогда въ натуральныхъ ихъ картинахъ не испытывалъ высокаго наслажденія, которое доставляли мнѣ сочиненія Пушкина, Марлинскаго (не смотря на его кудреватость), Жуковскаго, Карамзина, Загоскина, Вельтмана и мн. друг. Натуральнѣе Гоголя Загоскинъ въ народныхъ сценахъ, Грибоѣдовъ въ Горе отъ ума, Крыловъ въ своемъ мірѣ.

Какъ прежняя школа нерѣдко переходила въ приторность даже подъ перомъ Шатобриана, тамъ и натуральная школа, едва ли не чаще, переходитъ въ уродливость. Всякая изнемогательность дурна; но по моему мнѣнію уродливость хуже приторности, а если она, какъ у Гюго, при томъ имѣетъ значеніе политическое, она вредна, вредна нравственно, потому что воспламеняетъ дурныя страсти, вредна эстетически, потому что приучаетъ къ формамъ грубымъ, пресыщаетъ наслажденіями грязными, представляетъ воображенію оригиналовъ безобразныхъ. Если Гоголь оснуетъ школу, она будетъ очень дурна. Гоголь хорошъ безъ школы, безъ продолжателей, безъ подражателей, одинъ. Рядомъ съ другими, онъ скученъ. Я всегда читалъ его послѣ обѣда.

*

Въ Мартѣ мѣсяцѣ крестьяне бывшей графини Юліи Павлов. Самойловой, вышедшей замужъ за Француза Пери, подали Государю жалобу на неправильную ихъ продажу шляхтянкѣ Заливской, вмѣстѣ съ собственными ихъ землями, до 1000 десятинъ, и въ нарушеніе сдѣлки и выкупѣ ихъ на волю, учиненной ими съ 1844 г. съ управлявшимъ имѣніями гр. Самойловой, д. с. с. Сабуровымъ. Государь передалъ жалобу министру госуд. имуществъ, который словесно доложилъ, что это не его дѣло и что тутъ едва ли можно что нибудь сдѣлать. Государь сдѣлалъ надпись: „поручаю вамъ это неслыханное мошенничество разобрать и купчую уничтожить сей часть“ и послалъ прошеніе крестьянъ къ управляющему министерства юстиціи. Началось разбирательство. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось: что имѣніе графини Самойловой, Московской г. Коломенскаго уѣзда село Мягково и деревня Санино, болѣе 1000 душъ, узнавъ о покупкѣ

въ казну другаго имѣнья той же помѣщицы, Тверск. губерн. села Кимры, рѣшилось просить о обращеніи ихъ въ казенное вѣдомство. Имѣнье продано не шляхтянкѣ, но женѣ штабъ-ротмистра Заливской, которая и прежде этого имѣла болѣе 1000 душъ въ Московской губерніи. Эта Заливская—дочь купца Сычкова, бѣжавшая отъ отца и вступившая въ бракъ съ поручикомъ Заливскимъ въ 1838 г. Земли крестьянскія, какія есть, остаются во владѣніи тѣхъ же семействъ, за которыми были и прежде.

Сдѣлки о выкупѣ никакой не было, и предположеніе объ этомъ остановилось по несостоятельности крестьянъ въ сборѣ денегъ. Итакъ просьба крестьянъ совершенно не подтвердилась. Мы теперь въ затрудненіи: какъ уничтожить купчую. Продолжительные переговоры кончились тѣмъ, что Цесаревичъ Наслѣдникъ самъ взялъ записку для представленія Государю Императору по возвращеніи его изъ за границы.

*

Можетъ быть, никогда не было такъ много желающихъ видѣть Парижъ и Францію какъ нынѣ; можетъ быть, никогда общественное вліяніе Французскаго свѣта, языка, моды, изданій не было такъ сильно и въ самой Франціи развито до этой степени, какъ теперь, въ наше время, особенно послѣ 1830 года, и—замѣчательно!—никогда политическое значеніе этого государства не было такъ малозначительно, какъ въ современныхъ вопросахъ общихъ дѣлъ Европы. Значеніе это потеряло даже преданіе прежняго значенія. Разборъ дѣлъ Бельгіи, Польши, Востока—можно сказать—совершался безъ Франціи, вопреки Франціи. Чему приписать это? Развитію. Франція дѣйствительно потеряла много мускульной силы, той энергической силы, 1790 годовъ, сосредоточившейся въ Наполеонѣ до высшей степени, силы единойдержавной, которая затруднялась подъ ярмомъ конституціи съ 1815 года и совершенно раздвоилась въ 1830 году. Теперь думаютъ не о томъ, какъ бы пріобрѣсти авторитетъ въ Европѣ, но о томъ какъ бы справиться народному величеству съ королевскимъ, палатскому съ министерскимъ, зажиточному съ бѣднымъ. Соревнованіе привело къ озлобленію, хитростямъ, односторонности, и въ этихъ мелочахъ гибнетъ настоящій геній величія, постоянно осѣнявшій умную, безкорыстную и прекрасную эту націю.

Развитіе внѣшнее. Войны республики и Наполеона перенесли Францію почти во всѣ страны Европы, униженіе и нужда пробудили въ сихъ странахъ сознаніе собственнаго достоинства, быстрота и удобства сообщеній, разлившееся повсюду просвѣщеніе, непрерывное явленіе неутомимыхъ честолюбцевъ и исключительныхъ стремленій уронили идеалы Французскаго государства, въ которомъ прежде спѣшили

учиться и совершенствоваться. Бесплодные толки и крики парламентовъ и журналовъ разрушили кредитъ къ обѣщаніямъ и угрозамъ. Какъ прежде было одно государство, а въ этомъ государствѣ одно величество, тамъ теперь это величество разсыпалось въ огромной аристократіи, а образцовое государство проявилось въ 10 или 15 государствахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это великій шагъ въ развитіи человѣчества; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что съ этимъ шагомъ Франція потеряла прежнее всемірное свое значеніе, и ни король ея, ни сама она не можетъ сказать: *je le veux* *). Но общественное значеніе, по существу своему, едвали не сильнѣе и едвали не доблестнѣе утеряннаго, принужденнаго значенія политическаго. Я такъ думаю.

Умеръ Папа. Для нашихъ католиковъ это весьма важное событіе, потому что Государь, при свиданіи съ покойнымъ старцемъ, лично увѣрилъ его въ прямомъ желаніи устройства католической церкви въ Россіи и дружескихъ сношеній съ Римскимъ дворомъ. Гр. Д. Н. Блудовъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Все это теперь остановится и, можетъ быть, отношенія къ преемнику будутъ инаковы. Святой отецъ былъ добрый человѣкъ, иногда даже съ энергіей, но чаще съ молитвою. Григорій VII теперь совершенно бы разрушилъ папскій престоль и догму католицизма.

*

5-го Іюня, на пароходѣ, пріѣхалъ гр. Панинъ. Толки прекратятся, многія ожиданія рунатся, многіе откажутся отъ своихъ и прилепятся къ другимъ.

Читая Макиавелли, во многомъ измѣняешь общее о немъ мнѣніе, сдѣлавшее изъ него наставника іезуитскаго притворнаго поведенія. Онъ не совѣтуетъ прямоты, онъ не проповѣдуетъ братской откровенности, христіанскаго смиренія и благороднаго самопожертвованія—это правда. Онъ пишетъ не курсъ христіанской философіи, а наставленія свѣтской политики; но онъ и не учитъ тѣсному своекорыстному обману. Озлобленный на людей „большею частію мелкихъ, злыхъ и порочныхъ“, онъ признаетъ необходимость и, предполагая болѣе дурного нежели хорошаго, болѣе зависти нежели участія, онъ излагаетъ правила политики практической, оборонительной, отрицательной и едвали идетъ, на этомъ пути, до той степени политическаго притворства, какая видна въ дѣйствіяхъ самыхъ главныхъ правительствъ. По моему мнѣнію Макиавелли, писатель XV—XVI столѣтія, не достигъ великихъ, несомнѣнныхъ положеній опыта, пріобрѣтеннаго испытаніями послѣдующихъ столѣтій: что цѣль не облагораживаетъ

*) Я этого хочу.

средствъ, что достиженіе не доказываетъ правды, что мнимое или притворное непременно со временемъ разоблачится, и что прочное счастье и благосостояніе получается не иначе какъ путями обыкновенными.

Политикъ, секретарь, распорядитель, Макиавелли вѣруеть въ событіе, въ фактъ, и едвали во всемъ сочиненіи его встрѣтятся хоть разъ слово „право“. Онъ исключительно говоритъ о происшествіяхъ и пользѣ; теорія и начѣла правды для него вещи второстепенныя; самая истина—понятіе шаткое, относительное орудіе; самъ Богъ—провидѣніе—коронуеть успѣхъ и умное пользованіе.

Острый наблюдатель, Макиавелли можетъ быть полезенъ для всякаго и каждаго, но онъ мелокъ для геніальнаго принца, онъ слишкомъ приковываетъ свободу ума и воли къ обстоятельствамъ и къ положительнымъ способамъ, онъ слишкомъ предупрежденъ противъ свѣта, и предупрежденіе его, дѣлаясь предубѣжденіемъ, стѣсняетъ дѣйствіе и—для отличнаго ума—невольнo заставляетъ терять лучшіе способы, счастливейшее обстоятельство въ приготовленіяхъ ненужныхъ, въ опасеніяхъ неоснованныхъ. Онъ похожъ на крѣпость, вооруженную со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ нападеніе происходитъ только съ одной, и со всѣхъ прочихъ нѣтъ приступа.

Макиавелли объясняетъ многія современныя намъ событія, совершившіяся по волѣ и планамъ лицъ. Ни одного событія, вызваннаго обстоятельствами и естественными развитіями обществъ, нельзя объяснить изъ его сочиненій. Силы, каковы духъ времени, требованіе справедливости, условія мѣстности, общительность, гласность, ученіе ему неизвѣстны. Ученики его, какъ и самъ онъ, очень ошибутся, принявъ внѣшнее за истое, временное за непремѣнное и успѣхъ за правду.

*

4-го у насъ, въ Петербургѣ, по случаю прибытія Государыни, была богатая иллюминація. Особенно хорошо было освѣщеніе у гр. Шереметева, Нарышкина, Сухозанета, мин. вн. дѣлъ, Вольфа, Англійскаго магазина.

Какъ въ другихъ государствахъ, такъ и у насъ есть партіи охранительная или историческая и преобразовательная или раціональная: консерваторы и либералы. Главою первой считаютъ гр. Блудова и Панина, представителями второй—гр. Киселевъ и Л. А. Перовскій. Все это еще болѣе имена, болѣе заграничное подражаніе, но все это не безъ вліянія. Преобразования двухъ послѣднихъ встрѣчаютъ оппозицію, но противодѣйствіе ея не смѣло, не прямо и не дружно: оттого преобразования мало по малу совершаются и входятъ въ жизнь: особенно важны реформы въ управленіи обширнаго класса государственныхъ крестьянъ, обѣщающія со временемъ плоды несомнѣнно полезные.

Какъ въ высшемъ управленіи, такъ обозначаются эти партіи и въ литературномъ, книжномъ обществѣ. Профессора старые или люди ловкіе, ожидающіе наградъ и благоволеній, превозносятъ все что есть; молодые люди, всѣ, не имѣющіе ничего терять, не надѣющіеся что либо пріобрѣсти, рубятъ съ плеча, намекаютъ на несообразности, пишутъ памфлеты и даже пасквили и иногда сидятъ на гауптвахтѣ, иногда высылаются въ Пермь или Вятку, а иногда подвергаются запрещенію печатанія.

Все это довольно смѣшно, довольно дурно и часто весьма вредно. Оппозиція въ высшемъ управленіи производитъ смѣшеніе, запутанность, соревнованіе, унижающее одно вѣдомство передъ другимъ; нерѣдко очевидно разстройство отъ несоотвѣтствія разныхъ частей одной машины. Оппозиція мелкихъ людей вызываетъ искры, обузданіе и пресѣченіе которыхъ (какъ, это всегда бываетъ при борьбѣ противуположностей) переходятъ предѣлы должнаго и кончаются жертвами, которыя того не заслуживаютъ и которыя своимъ пожертвованіемъ не приносятъ пользы, соразмѣрной потерѣ. Все это показываетъ юность, молодость и неопытность. Мелкій либерализмъ—вреденъ, это правило. Опытъ людей, опередившихъ насъ, указываетъ на другой, лучшей способъ дѣйствія: это развитіе оградительныхъ формъ для ума, личности и имѣнія. Здѣсь стремленіе не имѣетъ свойства оппозиціи и нарушенія, ведетъ къ цѣли вѣрнѣе и приведетъ путемъ мира къ тому же, къ чему приводятъ самыя сильныя революціи, къ огражденію свободы. Это стремленіе найдетъ соучастіе въ обществѣ, изъ котораго оно исходитъ, и въ самомъ правительствѣ, которому оно поможетъ.

Стремленіе это возможно только въ чиновномъ классѣ. Вотъ его значеніе, этого класса, который такъ презираютъ, такъ дерзко осмѣиваютъ и—вопреки старому порядку—исключаютъ изъ высшаго сословія государства. Съ образованіемъ аристократіи, главами которой охранители, чиновный классъ дѣлается вреднымъ сословіемъ. Для него остался входъ чрезъ статскаго совѣтника, но и онъ можетъ скоро затвориться. Время болѣе и болѣе, яснѣе и яснѣе опредѣляетъ его мѣсто. Положеніе важное, требующее заботливыхъ помышленій, особенно со стороны тѣхъ, которые его придумали и на которыхъ выгоды и невыгоды его должны обрушиться.

Правительство есть соль, умъ націи, ядро государства. Отдѣленіе представителей сего правительства отъ высшаго класса государства, по мнѣнію моему, есть противорѣчіе. Успѣхи и добрая память о прежнихъ царствованіяхъ покоятся именно на этомъ соединеніи государства и общества, правительства и дворянства. Доселѣ дворянство у насъ было ступень, теперъ оно почти каста,

Отъ класса чиновниковъ должна начаться реакція. Они составятъ ядро, къ которому прилѣпятся либералы мелкіе. Они (занимая среднее положеніе и будучи ближе къ массѣ, къ народу) выработаютъ, опредѣлятъ и утвердятъ эти охранительныя формы, которыя такъ незамѣтно ограничиваютъ дѣйствіе власти и обуздывая по видимому свободу злоупотребленій и уклоненій, въ самомъ дѣлѣ удостовѣряютъ свободу частную и стѣсняють свободу произвольную власти и ей двигателей.

Въ чемъ заключаются эти охранительныя формы? Это требуетъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія. Выше я сказалъ, что онѣ относятся къ уму, личности и имѣнію. Въ другой разъ скажу болѣе.

*

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ уголовное правосудіе дѣйствуетъ подъ Уложеніемъ 15 Августа 1846 года. Мнѣ болѣе нежели кому нибудь видно и ощутительно это дѣйствіе. Оно еще опасливо, шатко, ошибочно. Ученая система новой книги еще не понята, многоразличныя условія виновности и наказанности не усвоены, не усмотрѣны, не улеглись въ памяти. Я не видѣлъ еще ни одного опредѣленія Прав. Сената, которое было постановлено согласно съ Уложеніемъ. Непремѣнно путаница. Иное понята и примѣнено не такъ, другое пропущено, третье невпопадъ прибавлено. Чтѣ должно думать о судахъ второй степени, о судахъ уѣздныхъ, надворныхъ, земскихъ? Важна отвѣтственность тѣхъ, которые должно наблюдать за введеніемъ Уложенія. Послѣдній въ роду ихъ, я, предугадывая объ этомъ еще въ прошломъ годѣ, представилъ мысли мои и мѣры къ устраненію запутанностей, въ Апрѣлѣ 1846 г.; чтѣ съ ними дѣлають, я не знаю. Я убѣжденъ сильнѣе прежняго въ ихъ пользѣ и необходимости.

Всѣ суетятся и готовятъ къ праздникамъ свадьбы В. К. Ольги. Я сучусь и приготавливаюсь оставить Петербургъ, можетъ быть на долго, можетъ навсегда. Я оставлю Петербургъ безъ сожалѣнія. Оно, говорятъ, придетъ послѣ. Отдыхъ дастъ мнѣ новыя силы для терпѣнія, удаленіе придастъ интересъ привычкѣ. Такъ ли это будетъ?

*

Le prêtre, la femme et la famille Мишле, есть программа, по которой умный пропагандистъ наскажетъ очень много важнаго, но едвали много полезнаго. Главное въ томъ, что новые доказываютъ невыгоды стараго или существующаго порядка частностями, а выгоды предлагаемой системы общими рассужденіями. Бракъ духовенства—да почему же профессоръ не сказалъ откровенно, что духовенство Протестантское и Грекороссійское лучше Католическаго? Общества, ими руководимыя, лучше южныхъ и западныхъ? Утвержденіе семейства:—

но развѣ семейства, общества, народы не человѣчество? Какъ согласить это уединеніе съ общественностію! Но я, какъ прежде думалъ, такъ и теперь вполне раздѣляю мысль Мишле о военномъ бытѣ и священствѣ.

Самолюбіе есть единственное спасеніе отъ партій и кастъ. Оно, спасая отъ пошлости, разнообразить, двигаетъ общество. Оно—несчастье только для самолюбца; для другихъ оно благо. За что его гонять, за что его не любятъ? Безъ него деспотизмъ которій, единообразіе до скуки и вялости жизни дошли бы до крайности.

*

Порученіе дается мнѣ на довольно продолжительное время, въ 4 губерніи, хотя безъ особыхъ правъ и съ довольно тѣсною инструкціею. Ёду узнавать наши суды и нашу провинцію. Между тѣмъ, оставляя управленіе Отдѣленіемъ моему помощнику, я не могу не пожалѣть о молодыхъ моихъ сослуживцахъ, на которыхъ такъ злобится управляющій департаментомъ. Онъ сдѣлаетъ все, чтобы оскорбить ихъ и опорочить мою рекомендацію, мои постоянно одобрительные о нихъ отзывы. Онъ докажетъ (говоря его словами), что они люди мало-даровитые, безграмотные, непонимающіе своихъ обязанностей и распущенные. Онъ покажетъ, что помощникъ мой человѣкъ ничтожный.

И по дѣломъ мнѣ! Я во многомъ виноватъ передъ этимъ самолюбивымъ и неблаговоспитаннымъ человѣкомъ. Больно мнѣ будетъ узнать о непріятностяхъ чиновниковъ; можетъ быть, многое разстроится такъ, что и исправить будетъ невозможно; но дѣлать нечего; отъ непріятностей и непріятныхъ людей надобно быть по дальше. Можетъ быть многое перемѣнится, можетъ быть измѣнимся и сами мы. За правого—Богъ, и на Его сторонѣ—непремѣнная побѣда.

Приготовляясь къ отъѣзду во внутреннія губерніи, я уже предчувствую губернскія мелочи, сплетни и толки. Они начинаются съ самаго отъѣзда: просьбы искателей, ропотъ прежде тамъ обиженныхъ, жалобы нынѣ живущихъ, предупрежденія, наущничество, намеки. Приѣдешь, знакомъ уже съ полгородомъ; посмотришь, не вѣрь половинѣ рассказовъ; поживешь, самъ будешь отголоскомъ или покрайней мѣрѣ предметомъ отголосковъ. Я и тутъ не оставляю моей дороги: идти прямо, не предполагать рытвинъ, вѣрить словамъ до повѣрки дѣла, дѣйствовать путемъ откровенной снисходительности и болѣе указывать нежели настаивать, помогать, а не требовать.

Прочелъ я, Руссо, твою исповѣдь, за разъ, отъ начала до конца, съ интересомъ, съ живымъ участіемъ и уваженіемъ къ твоему таланту.

Несовсѣмъ откровененъ и достовѣренъ ты, пламенный философъ, можетъ быть оттого, что писалъ не своевременно и въ Сентябрѣ видѣлъ Май. въ минуты оскорбленнаго чувства считалъ обидою случайное

стеченіе обстоятельствъ. Несчастливъ тотъ, кому нечего ѣсть; но у тебя пища—Европейская слава; несчастливъ тотъ, кто долженъ скучать покоемъ, а твой огонь не давалъ тебѣ ни минуты покоя; несчастливъ тотъ, кто, презрѣнный или ничтожный, не заслуживаетъ ни любви, ни ненависти, а тебя любили, у тебя были полки завистниковъ, на тебя злобились деревни, полиціи, города и цѣлыя правительства. Въ свойствѣ генія возбудить кругомъ себя волненіе, какъ паденіе массы, колеблющее всю окружность. Нѣтъ, Руссо, ты никогда не былъ несчастливъ. Самый опытъ дался тебѣ дешевле, нежели многимъ другимъ, самыя неудачи были болѣе послѣдствіемъ твоей собственной неразумительности. Руссо писалъ свою исповѣдь слишкомъ поздно для того, чтобы помнить, и слишкомъ рано для того, чтобы забыть мелочныя и еще неостывшія огорченія, которыя вредятъ свѣтлости представленія. Передъ смертію Руссо было бы терпѣливѣе и потому справедливѣе.

*

8 Іюля я выѣхалъ. 15 Октября, въ часъ, я возвратился. Я видѣлъ суды и дѣйствіе новаго Уложенія, бѣгло, но мѣтко. Неудивительно. Я нашелъ себѣ невѣсту, скоро, но, надѣюсь, здорово. Благослови, Боже!*)

*

11 Ноября была моя свадьба, 10 Декабря я пріѣхалъ въ Петербургъ съ женою. Мнѣ бы хотѣлось, теперь (31 Декабря, вотъ какъ праздны „Дни и Труды“ мои!) передъ новымъ годомъ, дать отчетъ себѣ, какъ это случилось, опредѣлить чтò я былъ до этого времени и чтò послѣ, но не могу, не хочу. Пусть оправдаютъ событія.

Я обдумываю, въ моемъ бездѣйствіи, планъ и исполненіе движенія моего по обзорѣннн судовъ въ губерніяхъ Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской и Калужской. Я слишкомъ поверхностно дѣлалъ это обзорѣніе, предпринятое единственно для побѣга изъ Петербурга.

Я почти совершенно забылъ „Дни и Труды“ мои, а между тѣмъ есть такъ много не сдѣланныхъ замѣтокъ. Я же третій мѣсяцъ какъ женатъ и непрерывно благодарю Бога за милость, пославшую мнѣ въ участіи моей подруги. Деликатность и чувствительность возвышаютъ цѣну всякому знаку вниманія. Какъ бы мнѣ хотѣлось, въ особенности теперь, ускорить служебное мое положеніе, а оно, какъ на зло, идетъ поперекъ и не двигается. Такъ-то правда, что тише ѣдешь, дальше будешь, и постепенность, замедляя, соразмѣряетъ достиженіе.

---

*) К. Н. Лебедевъ женился на Александрѣ Александровнѣ Бабарыкиной, дочери Орловскаго помѣщика. П. Б.

У насъ теперь главный предметъ государственныхъ занятій: чиновники и чины. Гонять первыхъ, уничтожаютъ вторые. Гоненіе или улучшеніе чиновниковъ дѣло не безполезное. Заботливость о представителяхъ правительства есть долгъ правительства, и во многихъ отношеніяхъ долгъ этотъ былъ неоплатнымъ. Но принятая мѣры я нахожу несоотвѣтствующими. Впервыхъ, онѣ—полумѣры. Учрежденіе Инспекторскаго Департамента идетъ врозь и всторону. Неполное само по себѣ, оно безпрестанно колеблется, обрѣзывается, сомнѣвается и едвали въ окончательномъ результатѣ не сойдетъ на герольдію въ новомъ составѣ, на печатный приказъ. Наблюденіе за точнымъ назначеніемъ не имѣетъ мѣста. Во вторыхъ, онѣ—полумѣры и потому что не представляютъ ничего постояннаго: все относится къ лицамъ, а положеніе (служебный уставъ) остается тоже. Оно даже искажается. Такъ напр. частное правило о непринятіи въ службу уволенныхъ и бывшихъ подъ судомъ произвело то, что нынче менѣе предають суду (какъ будто это должно зависѣть отъ произвола) и даже въ тѣхъ мѣрахъ, когда должно предать суду. Въ третьихъ, не предусмотрѣно, что дѣлать съ этими отставными. Они безъ средствъ и должны или бѣдствовать или ябедничать или искать способовъ жизни въ преступленіяхъ. Въ четвертыхъ мѣра сія весьма часто лишаетъ вѣдомство людей спеціальныхъ, которые, при хорошемъ надзорѣ, могли бы съ болѣею пользою оставаться при своихъ мѣстахъ, нежели новобранцы, которыхъ ручательство часто состоитъ въ томъ, что они замѣтили исключенныхъ.

Измѣненіе, коренное измѣненіе служебнаго устава—вотъ необходимая мѣра.

Уничтоженіе чиновъ совершенно невозможно. Уменьшеніе ихъ и отдѣленіе чина отъ дворянства, я думаю, есть единственный предметъ размѣренія. Чины по мѣстамъ и униженіе первыхъ произведутъ смѣшеніе вторыхъ, а смѣшеніе мѣстъ приведетъ къ произволу, который есть главный двигатель демократическаго, грубаго начала и деспотизма.

До сихъ поръ мало обращаютъ вниманія на то, что исключительныя права, предоставленныя наукѣ, чрезвычайно способствуютъ развитію демократическаго начала, котораго представительство есть молодость.

*

30 Января я подалъ министру рапортъ о моихъ обзорѣніяхъ. Рапортъ поспѣшный. незрѣлый и слишкомъ короткій для предметовъ содержанія.

А обыкновенный ропотъ все тотъ же: людей нѣтъ.

Я этого не скажу. У насъ людей только опредѣляютъ, гонять и отставляютъ, а нѣтъ, — чтобы вразумлять ихъ, изъяслять имъ затрудненія и подвергнуть дѣйствія ихъ учету и отчету. Люди есть и люди умные. Бывши свидѣтелемъ ихъ работъ, ихъ нуждъ и ихъ оставленія, я смѣло могу удостовѣрить, что заслуги ихъ, при недостаткѣ уставовъ, при недостаткѣ содержанія и уравнительныхъ поощреній, въ полной мѣрѣ достойны вниманія. Предполагая засадить суды молодыми людьми хорошихъ фамилій, мы напрасно ожидаемъ отъ нихъ спасенія. Дайте уставовъ, дайте содержаніе. Въ ожиданіи новыхъ замѣщеній недобросовѣстно ожидать лучшихъ временъ для изданія лучшихъ положеній. Времена всѣ плохи, и наше дѣло улучшить ихъ.

Когда издадутъ уставы и болѣе достаточные штаты, заслуги молодыхъ или новыхъ дѣятелей никакъ не будутъ такъ обширны какъ грубые труды этихъ несчастныхъ, которыхъ держутъ на подножномъ корму и порочать за то, что они побираются.

Или Государю совершенно неизвѣстно, что лучший листъ его вѣнца — правосудіе — продается на алтыны, или министръ не хочетъ улучшить своего вѣдомства. Не можетъ быть, чтобы гр. Панинъ не зналъ что дѣлаетъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣлительнаго замѣчанія о томъ: соответствуетъ ли правосудіе своему назначенію. Нельзя однако не замѣтить того, что ропотъ на правосудіе общій, покажитесь только, и васъ засыпять жалобами, и что Государь не имѣетъ никакого довѣрія къ судамъ. Надобно надѣяться, что онъ до него доберется и приметъ рѣшительныя мѣры. Дай Богъ. Это моя молитва и самые теплые обѣты.

Министръ поручилъ мнѣ, чтобы дать какую нибудь работу, составить общія соображенія о предстоящемъ пересмотрѣ устава объ уголовномъ судопроизводствѣ. Предметъ особенной важности и весьма меня затрудняющій.

Безпрестанно крадутъ деньги. Въ деп. в. пос. украли у пріемщика до 14 т. р., въ Сиротскомъ Судѣ 20 т.; въ Управѣ Благочинія 160 т. р. серебр. и послѣднее, говорятъ, учинено предсѣдателемъ Клевецкимъ. Стыдъ и срамъ! Потомъ, въ другихъ мѣстахъ, въ Тамбовѣ, въ Симбирскѣ, въ Твери, въ Москвѣ, и все это въ значительныхъ суммахъ, и все это съ такою наглостію, что не знаешь кого обвинять: время-ли, вызывающее подобныя поступки, или людей, рѣшающихся на открытую гибель себя, своихъ и сослуживцевъ, или наконецъ формы, очевидно недостаточныя для предупрежденія подобныхъ расхищеній. Стыдъ и срамъ!

*

Сегодня, 24 Февраля, погребали предсѣдателя Госуд. Совѣта кн. Иллариона Васильевича Васильчикова. Участвовали Государь, Наслѣдникъ, князья и принцы, генералитетъ, Совѣтъ и министерства. По отпѣтіи Государь скомандовалъ войскамъ и верхомъ проводилъ гробъ отъ Преображенія до Невскаго проспекта; тѣло повезли въ деревню. Это былъ прекрасный и благородный человѣкъ, но малосвѣдущъ въ дѣлахъ и не государственнаго ума. Каковъ бы онъ ни былъ, но въ настоящее время весьма трудно найти кого нибудь, на котораго бы остановились довѣріе и уваженіе. Ни одного. Болѣе прочихъ, и то только по своей честности, пользуется уваженіемъ гр. Блудовъ. Говорять о В. Кн. Михаилѣ, о Левашовѣ, о Чернышовѣ, даже о Меньшиковѣ. Мнѣ кажется, всего лучше сдѣлать предсѣдателемъ Наслѣдника.

Кн. Васильчикову, увѣряютъ, принадлежитъ мысль о знакомствѣ министерствъ съ мѣстными управленіями на самыхъ мѣстахъ, чрезъ постоянныя ревизіи и обзрѣнія. Мысль хорошая, дошедшая въ настоящее время до крайности, и потому сдѣлавшаяся вредною и ничтожною. У насъ ожидается предсѣдателя Совѣта заслуга важнѣйшая: учрежденіе контроля за министрами. Его можно найти только въ Совѣтѣ.

*

Командиръ корпуса внутр. стражи генералъ Тришатный уволенъ. Онъ столкнулся съ Воронцовымъ и не выдержалъ. Говорять даже, что онъ виноватъ. У насъ уволенъ оберъ-прокуроръ Дмитріевъ*), и раскортировали весь 4-й департаментъ. Говорять, всѣ чиновники виноваты. Виноваты, виноваты; но что же вы, начальники, смотрѣли и сложи руки допустили всѣ эти безпорядки? Гр. Панинъ и его товарищъ Шереметевъ столкнулись и расходятся. Государь, пожаловавъ Шереметеву Бѣлаго Орла, изъявилъ согласіе на его увольненіе, за болѣзнію, но при представленіи ему указа написалъ „повременить“, и вотъ изъ этого выходитъ цѣлая исторія. Гр. Панина вообще не любятъ, и предложенныя имъ мѣры всюду заслуживаютъ порицанія. Чѣмъ это кончится? Шереметевъ проигралъ, но, можетъ быть, выиграетъ или уже выигралъ тѣмъ, что избавился Панина.

Вопросъ о предсѣдательствѣ Совѣта все еще неразрѣшенъ. Толки и слухи ходятъ по прежнему. Между тѣмъ какое-то общее подозрѣніе виситъ надъ каждою головою, и всякій только опасается за старое, за настоящее, не зная, правъ ли онъ будетъ или виноватъ. Безыменные доносы, особенно по хозяйственнымъ управленіямъ, многочисленны, запросы о пріобрѣтеніи имѣній безпрестанны. Государь недоволенъ и сердитъ, гнѣвъ его иногда громокъ и потрясающъ. По поводу толковъ о предсѣдательствѣ Совѣта многіе замѣтили уже обнаруженную Госу-

*) Михаилъ Александровичъ, отецъ Ф. М. Дмитріева. П. Б.

даремъ склонность назначать не стѣняясь ни чиномъ, ни старшинствомъ. Я этого не понимаю. Конечно есть начало рациональное, и всего желательнѣе бы было видѣть начало это въ истинномъ его значеніи. Но возможно ли это у насъ? Во всякомъ государствѣ всякое право и значеніе должны имѣть внѣшнее, формальное опредѣленіе, безъ котораго нѣтъ вѣры къ указанной способности, и произволь оскорбляетъ ошибкою. Рациональное начало (способность) должно имѣть свое опредѣленіе въ общемъ мнѣніи, а мнѣніе опираться на гласность. Безъ сихъ условій способность есть нерѣдко личная благосклонность. Мы требуемъ субординаціи къ старшимъ и обходимъ стороннихъ по способностямъ. Мы не имѣемъ гласности и принимаемъ начало способностей. Мы устанавливаемъ дворянство по чинамъ и отмѣняемъ чины. Мы всячески уничтожаемъ достоинство представителей и не позволяемъ даже сомнительнаго знака неуваженія къ нему. Чтò за хаосъ и чѣмъ онъ кончится? Мы хотимъ уничтожить единственное въ государствѣ нашемъ конституціонное начало—достиженіе дворянства чрезъ чины, независимо отъ власти. Мы хотимъ уничтожить единственное въ искусственномъ устройствѣ нашемъ естественное начало—старшинство. Посреди всего ирраціональнаго мы хотимъ установить начало рациональное. Какъ много противорѣчій, и когда и какъ они примирятся?

*

Все это время я чувствовалъ необыкновенную тоску души, сопровождающуюся бессонницею и слабостію глазъ. Иногда находить какое-то онѣмѣніе мыслей, бездѣйствіе воли и отвращеніе къ труду; иногда пробуждаются упреки, раскаяніе или униженіе, похожее на стѣсненное самолюбіе или сжатое мщеніе. Какъ много благодаренъ я другу женѣ моей за постоянное ея участіе, за безропотное дѣленіе со мною этой жизни! Говѣя (16—21 Марта), я читаю проповѣди Филарета. Мнѣ почти стыдно признаться, какъ мало я нахожу въ нихъ пищи: такъ велико предубѣжденіе наше къ этому знаменитому іерарху. Учености много, познаніе текста писанія, кажется на всѣхъ языкахъ, удивительное; но ученіе сухо, примѣненіе къ жизни слабо, и нерѣдко онъ старается въ толкованіяхъ своихъ изъяснить смыслъ текста, согласіе его съ другимъ изрѣченіемъ, а не вывести законъ жизни или наставленія сердцу. Какъ казались мнѣ слабы самыя ученныя толкованія его на Іоанна: въ началѣ бѣ Слово! Но, ссылаясь потомъ, что въ немногомъ чтò онъ сказалъ, уже много дерзновенія для немощи его слова, онъ прекрасно сравниваетъ благовѣстіе Іоанна съ громомъ, возвѣщающимъ величіе Божіе. Искаль я въ Филаретѣ изъясненія и утоленія современныхъ требованій: нѣтъ, я не нашель ихъ. Вообще, какъ я сказалъ, примѣненія къ дѣйствительности весьма мало. Говоря о Крестѣ

(тяжесть понесенныхъ грѣховъ) о гордости и проч., Филаретъ такъ изображаетъ нашъ вѣкъ: „легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, закосяніе старости, забвеніе Промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія“.... но всѣ эти „потоки беззаконія“ не составляютъ отличительнаго характера вѣка. Есть въ немъ преобладающія стремленія—это честолюбіе. Объявляя ему войну (въ 18 словѣ) и опровергая притчу: „худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ“, Филаретъ, по мнѣнію моему, недостаточно доказалъ и смыслъ текста: „иже высокъ творить свой домъ, ищетъ сокрушенія“ (Притч. XVII 16). Я, думаю потоки беззаконія нашего частію и большею частію происходятъ отъ поощреній. Я занимаюсь разрѣшеніемъ этой мысли, но говѣя, хочу изучить нашего церковнаго мыслителя. Въ словѣ о молитвѣ Филаретъ говоритъ, „что она можетъ и язычниковъ содѣлать истинными христіанами, можетъ ввести въ истинное богопознаніе и богопочитаніе, хотя бы оно и неизвѣстно было“. Разумѣть-ли здѣсь митрополитъ общую, всемірную истину, доступную и досягаемую и безъ Откровенія? Еще выше, въ семь же словѣ, Филаретъ говоритъ, что „Богъ и въ омраченныхъ сердцахъ язычниковъ оставляетъ нѣкоторыя искры Своего свѣта, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ и котораго тьма не объемлетъ.

*

Государь принялъ правиломъ не поручать главнаго управленія никому изъ Императорской фамиліи. Польза или справедливость этого правила видна даже по тѣмъ немногимъ изытіямъ, которыя непременно въ немъ допущены. Не говоря объ управленіяхъ военныхъ, я укажу на наше Училище Правовѣднія, которому покровительство Принца Ольденбургскаго дало необыкновенныя права преимущества. Юноши и дѣти этого заведенія, поколѣніе прежнихъ чиновниковъ и судей, отправляютъ наше правосудіе, можетъ быть, не совсѣмъ дурно, но весьма неправильно. Молодые люди, нерѣдко до 20 лѣтъ, садятся на мѣста, которыя по самому значенію своему должны принадлежать возрасту зрѣлому и знанію опытному. Занимая эти мѣста и вытѣсняя предмѣстниковъ, они неволью налагаютъ печать неспособности, неблагонамѣренности или покрайней мѣрѣ (прекрасное слово! неблагонадежности, заграждающія имъ пути поступленія на другія поприща. Этого мало. Они большею частію занимаютъ такія мѣста, на которыхъ нѣтъ никакой или нѣтъ большой отвѣтственности: секре-

тарей въ Сенатѣ, товарищей предсѣдателей въ губерніяхъ. И этого мало: не смотря на все это, молодые люди сіи пользуются преимущественнымъ правомъ награды. Въ настоящее время, когда при министрѣ докладчикомъ оберъ-прокуроръ Пинскій, поощреніе правовѣдовъ распространяется еще далѣе. Я не противъ поощренія правовѣдовъ, но противъ несправедливостей, которыми оно сопровождается, и противъ исключительности этого поощренія. Несправедливость ляжетъ на совѣсть виновныхъ: объ ней нечего и говорить. Исключительность ведетъ далѣе; она, намъ всякое незаслуженное право, повлечетъ къ злоупотребленіямъ и со временемъ окажетъ весьма вредныя послѣдствія. Вредъ для вѣдомства, ибо ослабляетъ внутреннія его силы, которыхъ не можетъ быть въ молодыхъ предшественникахъ; ибо ослабляетъ достоинство и довѣріе, которыхъ нельзя требовать къ неопытнымъ голышамъ. Вредъ для государства, ибо, поручая важное дѣло суда молодости, поощреніе это вводитъ въ сію обитель безпристрастія молодыхъ людей въ самомъ пылу страстей и невольно приготовляетъ себѣ самому, власти, оппозицію, оппозицію въ массѣ, которая можетъ затруднить свободное дѣйствіе (примѣровъ частныхъ сему было много). Но я не могу умолчать здѣсь о мнѣніи, распространившемся въ этой молодежи изъ книгъ и журналистовъ о публичномъ судопроизводствѣ. Мнѣніе это ими необдуманно и явилось едвали не отъ лѣни къ труду, являющейся всегда при незаслуженномъ достиженіи. Вредъ для самихъ молодыхъ людей. Хвастовство, заносчивость, какой-то цинизмъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ молодыхъ людей доходятъ до неимовѣрности. Я не говорю о тысячахъ частныхъ случаевъ, которые ознаменовали эту систему, возбуждающую противодѣйствіе въ самыхъ адептахъ ея. Время покажетъ, правильно-ли я говорю и твердо-ли систематическое, а priori, дѣйствіе министерства. Аресты, остановки, увольненія, розыски, суды и опасенія все еще продолжаютъ. Не возникнетъ-ли изъ этого хаоса какое-нибудь учрежденіе, правильное и послѣдовательное?

У насъ назначенъ новый товарищъ министра—Илличевскій. Пинскій произведенъ въ чинъ и утвержденъ (пора!) директоромъ. Я ничего не понимаю ни въ назначеніи товарища, ни въ утвержденіи директора. Если—какъ говорятъ зависть и злоба—гр. Панинъ хотѣлъ имѣть подъ рукою послушника, то я думаю, онъ не имѣетъ въ немъ нужды. Я думаю, онъ этого не имѣлъ и не ищетъ. Я думаю, что упорный этотъ умъ стремится къ другому посту и хочетъ оставить настоящій въ соотвѣтственномъ своему положенію, или назначеніе Илличевского послѣдовало съ согласія будущаго преемника. Что касается утвержденія директорства вмѣсто сенаторства, то это полезно для начатаго преобразования личнаго состава и для удержанія стараго чиновничества.

Развитіе системы замедленія проявляется все болѣе и болѣе; стремленія не прерываютъ, но его хотять ослабить терпѣніемъ. Немногіе вытерпятъ это, правда, но многіе-ли изъ вытерпѣвшихъ будутъ дѣйствительно достойнѣйшіе? Вотъ вопросъ. Не поведетъ ли это къ небывалому у насъ раздѣленію правительства и общества, такъ вредному даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оно выражено и высказано? Тогда на сторонѣ перваго будутъ опытность и заслуженность, а на сторонѣ втораго—выразительность и способность.

Опасны положительныя мѣры для управленія народными развитіями. Здѣсь могутъ быть только мѣры оградительныя. Всякая положительность необходимо связана съ исключительностію, а исключительность къ одностороннему отвлеченію, къ накопленію, порывамъ и боренію. Все это удовлетворяетъ временнымъ цѣлямъ, а въ наше время онѣ удивительно шатки и переменчивы. Уменьшеніе дворянства, учрежденія майоратовъ, возвышеніе чиновъ, сокращеніе просвѣщающихся—все это прекрасно, все это поддержится; но гдѣ же истокъ замедляющагося стремленія? Мы ближе къ Пруссіи, нежели къ Австріи, болѣе нежели мы чуждой западнаго вліянія.

Больно мнѣ думать о томъ, что мѣры эти не обойдутся безъ жертвъ. Уже и теперь, когда хотять утвердить достоинство правительства, тысячи остаются безъ обезпеченія: чтоже будетъ, если захотять и будутъ вынуждены поддерживать силу правительства? Во всякомъ случаѣ это подрываетъ основанія самодержавія и стремясь къ внутреннему отвлекаетъ отъ внѣшняго, которое (для единства) еще нуждается въ мѣрахъ вещественныхъ.

Я остаюсь въ совершенномъ бездѣйствіи по службѣ. Мнѣ какъ бы хотять доказать, что я не только не необходимъ, но даже лишень, что мнѣ не находятъ дѣла, что меня не замѣчаютъ, что мною тяготятся и что если меня не просятъ выдти, то единственно, потому что бы не быть съ собою въ противорѣчій. Или это такъ или не такъ, но положеніе мое очень дурно.

Я бы оставилъ министерство, но не оставляю, во первыхъ потому, что бы оставленіемъ не утвердить въ другихъ и въ себѣ предположенія о справедливости неудовольствія ко мнѣ министра; во вторыхъ, что бы не утвердить его въ мысли о связи моей съ Шереметевымъ; въ третьихъ, чтобы дожидаться гр. Блудова, съ которымъ могутъ быть переговоры; въ четвертыхъ—я хочу побыть въ этомъ положеніи, чтобы испытать себя; въ пятыхъ—я все-таки въ зависимости отъ службы, которая даетъ мнѣ содержаніе, столь необходимое теперь женатому.

Въ этомъ бездѣйствіи занимаясь чтеніемъ, я думаю написать слѣдующія журнальныя статьи.

1. Общія законоположенія Пруссіи: составленіе уложенія Карте-ромъ, времена Штейна и Гарденберга, министерства Кемпца и Мюллера. Напоръ западныхъ началъ до 1817 г., когда наступилъ поворотъ послѣ Ахенскаго и Карлсбадскаго сеймовъ. Пересмотръ законовъ и дѣйствіе западныхъ началъ на изузность, гласность и порядокъ доказательствъ.

2. Уголовныя уложенія отъ дѣловаго, Прусскаго, до отвлеченнаго, Баварскаго. Я хочу показать постепенное образованіе права подъ вліяніемъ Римскаго ученія и несоотвѣтствіе современнаго порядка уложенія законовъ, допускающаго слишкомъ много уловленій, и усовершенія законовъ, идущаго (неестественно) сверху внизъ и подчиненнаго вліянію науки и общественнаго мнѣнія.

3. О двухъ могуществахъ новаго времени: наукѣ и общественномъ мнѣніи. Я хочу показать, что они обуреваютъ могущество власти. Наука слишкомъ много на себя принимаетъ, думая обнять жизнь и найти всему разгадку и удовлетвореніе и дая между тѣмъ выводы недостаточныя, указанія неудовлетворяющія. Общественное мнѣніе не имѣетъ правильныхъ орудій: въ началѣ представительности общества недостаетъ точныхъ познаній, въ началѣ гласности—нѣтъ никакого путя соединенія. И тамъ и сямъ гордыня, своекорыстіе и стремленіе къ отличію. Я думаю опредѣлить точнѣе порядокъ ихъ дѣйствія, какъ вспомогательныхъ орудій власти.

4. О развитіи, его огражденіи и поощреніи. Я хочу развитъ, что поощреніе—своего рода гордыня и самолюбіе—вредитъ развитію, нарушая стройность и переступая ступени, постепенность и преемственность которыхъ есть первое условіе законности развитія. Поощреніе, по моему мнѣнію, есть главный источникъ противорѣчій и недовольствія современнаго общества. Оно несогласно съ значеніемъ власти, съ назначеніемъ общественнаго союза и съ самимъ Христіанствомъ.

О силѣ опредѣленныхъ доказательствъ и личныхъ убѣжденій. Я пришелъ къ этой мысли очевиднымъ ослабленіемъ первыхъ и переборкою чиновниковъ, которыхъ очищаютъ непрямыми путями надзора и отвѣтственности. Франція, дѣлами городовыхъ чиновниковъ и дѣломъ генераль Кюббера, доказываетъ, что гласность не уничтожаетъ возможности злоупотребленій. Пруссія переходитъ къ доказательствамъ по нравственному убѣженію; у насъ гр. Панинъ дѣлаетъ тоже. Мы какъ будто уже не вѣримъ достаточности оградительныхъ обрядовъ: важный успѣхъ государственной власти! На этотъ разъ довольно. Не знаю, успѣю ли исполнить.

Какъ развивается представительное учрежденіе Пруссіи? Когда я былъ въ Берлинѣ, изъ обыкновенныхъ разговоровъ, изъ вѣдомостей и

сочиненій, особенно напечатанныхъ въ королевства, видно было рѣшительное направленіе умовъ противорѣчить правительству, и мнѣ казалось, что наплывъ образованности держалъ власть за горло: не премѣнно надобно было открыть истокъ. Король открылъ: отмѣною надзора сочиненій обширныхъ, введеніемъ гласности въ судѣ и учрежденіемъ сейма. Все это открыто, по видимому, довольно постепенно, но немного поздно и послѣ довольно продолжительныхъ ожиданій, а главное—неполнѣ, въ видѣ какихъ-то полумѣръ. Это производитъ то, что возбужденныя ожиданія (еще въ пространство времени Штейна и Гарденберга до 1818 г.) не удовлетворены, и требовательные крики, получивъ болѣе свободное поприще, сдѣлались громче и невольно образовались въ бой стѣны на стѣну. Это недостатокъ всѣхъ полумѣръ.

Король открылъ сеймъ съ довѣріемъ къ сословіямъ, но съ насмѣшкою надъ хартіями и съ жалобой на временныя изданія. Въ минуту открытія это было довольно торжественно; на другой день это было уже предметомъ порицанія. Кончился сеймъ шумными спорами, неоткровенными требованіями и открытымъ неудовольствіемъ.

Король даже не удостоилъ самъ закрыть сеймъ, уѣхавъ за чѣмъ-то въ Бреславль, и рѣчь его уполномоченнаго гремитъ уже угрозою.

Такая полумѣра привела къ послѣдствіямъ неприятымъ, къ общему неудовольствію и взаимному недовѣрію. Я всегда видѣлъ въ Пруссіи большую непослѣдовательность. Государство составилось необыкновенно (распространеніями на счетъ другаго) и должно прибѣгать къ необыкновеннымъ путямъ. Недостатокъ вещественнаго единства требуетъ установленія по крайней мѣрѣ единства мыслительнаго, и Пруссія обратилась къ военной силѣ и къ наукѣ. Великій Курфирстъ началъ, Фридрихъ Вильгельмъ I-й довершилъ крѣпость военную, которая при Фридрихѣ II уже посягнула на самостоятельность даже сильнѣйшихъ сосѣдей.

Фридрихъ II далъ общее законодательство и, по моему мнѣнію, уронилъ мѣстныя. Эта мѣра можетъ быть изъяснена столько же побужденіями правосудія, сколько и видами политики: установить единство. Оно не совсѣмъ удалось, ибо наука не дозволила уничтожить мѣстность и сплела сътъ ученій, въ которой общее право запуталось.

Времена переворотовъ грозили распаденіемъ, и приверженность подданныхъ такъ была слаба, что Рейнскія области и Вестфалія съ радостію приняли чужеземные законы. Государство прибѣгнуло къ прельщеніямъ и тайнымъ наущеніямъ: это времена Штейна и Гарденберга. Миновала опасность, началось противодѣйствіе; за что прежде хвалили, теперь стали порицать и наказывать, что обѣщали—не дали. Наконецъ требованія такъ были сильны, что надобно было удовлетворить, и

вотъ прибѣгнули къ полумѣрамъ: законъ 1823 г. Новый шагъ, тоже полумѣра—законъ 1847 г. Я не могу понять такой шаткости и не могу представить себѣ, какъ покойный король, пережившій года царствованія съ 1797 по 1840 г., могъ смотрѣть прямо и не чувствовать своихъ ошибокъ, увлеченій, обнаруженныхъ ухищреній. Теперешнему королю приходится распутывать. Честное монархическое начало потрясено въ своихъ основаніяхъ, и полумѣрныя уступки только раздражаютъ противодѣйствіе. Я думаю, что это непремѣнно, и въ непродолжительномъ времени, приведетъ къ чистой представительности. Чтобы жить покойно, надобно дѣйствовать откровенно.

Гр. Панинъ, говоря о принимаемыхъ мѣрахъ къ улучшенію личнаго состава и вообще о положеніи министерства и государства, называлъ настоящее время переходнымъ. Слово—безличное и способъ отыгратъся обыкновенный. Всякое время было переходное, потому что все шло, идетъ и всегда пойдетъ. Мы стремимся къ цѣли, которой не знаемъ, а если знаемъ, то боимся опредѣлить и въ этой боязни принимаемъ мѣры нерѣшительныя, но тѣмъ не менѣе преобразовательныя. Я съ своей стороны думаю, что настоящее время есть ограниченіе распространенія демократическаго духа, вызваннаго на бой и побѣду Наполеона. Мы стремимся оградить государство отъ дѣйствія этого разрушительнаго для монархіи начала. Замѣчательно, что почти каждое столѣтіе, каждый замѣчательный писатель называетъ свое время переходнымъ. Я не оуждаю этого названія, но оуждаю дѣйствія лицъ, которыя, смотря на свое время, какъ на переходъ къ какому-то неизвѣстному положенію, заботятся не объ удовлетвореніи своему времени, а о мѣрахъ приближающихъ къ будущему неизвѣстному положенію. Я бы желалъ знать: кто изъ сихъ господъ дождался ожидаемаго времени и чѣмъ искуплены лишенія поколѣній настоящихъ для блага будущихъ? Весьма часто переходностью покрываются безпечность, неразумѣніе и ошибочность. За чѣмъ предупреждать время и принимать на себя неподлежащія обязанности къ тому что будетъ, не ограничиваясь представленнымъ человѣку—что есть?

*

Графъ Адлербергъ. „Трудно понять за что сдѣланъ онъ графомъ“, сказалъ я. Но нельзя не прибавить, что В. О. Адлербергъ не имѣетъ завистниковъ, ни зложелателей, ни порицателей. Онъ постоянно волочится, любитъ Государя, несетъ безъ ропота и затрудненій возлагаемыя на него части, положеніемъ своимъ обезоруживаетъ раздражительность другихъ, никому не мѣшаетъ и готовъ на добро, если оно ему ничего не стоитъ. О графствѣ его говорятъ мало. Только пораспустили крылышки его орлята и его орлица.

*

Я написал окончательно двѣ статьи и, приблизясь къ настоящимъ временамъ Пруссіи, невольно остановился. При чтеніи Berlin. Ernst Dronke, 1846 г., я былъ пораженъ сходствомъ нашихъ мѣръ съ Прусскими. Я не могу тутъ свободно работать для общаго свѣдѣнія. Я не знаю, могутъ-ли пройти и эти статьи. Странное дѣло! Запрещеніе ведетъ къ противоположнымъ послѣдствіямъ: къ утвержденію и распространенію запрещаемаго вліянія, между тѣмъ какъ разрѣшеніе дало бы болѣе свободы нашему туземному воззрѣнію. Только этимъ запрещеніемъ можно объяснить себѣ ничтожность нашей литературы и огромное количество ввоза иностранныхъ книгъ, чтеніе которыхъ распространилось во всѣхъ сословіяхъ и ученіе которыхъ, не согласное съ нашею дѣйствительностью, противорѣчитъ видамъ правительства и отзывается недовольствіемъ. Мнѣ хочется вывести на сцену это обстоятельство.

Я читаю теперь сочиненіе Николая Тургенева: *La Russie et les Russes*, Paris 1846 г. три части: 1, *Mémoires d'un proscrit*, 2, *Tableau de l'empire* и 3, *Pia desideria*. Сочиненіе любопытное, но менѣе нежели я думалъ. Очевидно, что бывшій высшій чиновникъ, удалясь отъ дѣловаго круга занятій, входитъ болѣе въ разрядъ тѣхъ общественныхъ ходатаевъ, которые болѣе желаютъ нежели могутъ и болѣе предполагаютъ возможности, нежели она дѣйствительно есть.

Служебная жизнь Тургенева была весьма дѣятельна и особенно безпокойна. Онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію Европейскаго общества, которое, получивъ лучшее въ то время образованіе, хотѣло перестраивать зданіе по указаніямъ науки, по неизслѣдованному опыту другихъ и по требованію собственныхъ убѣжденій, порожденныхъ благомысліемъ, самолюбіемъ и тщеславіемъ. Тургеневъ былъ впрочемъ изъ нихъ лучший. Онъ служилъ при общемъ управленіи союзныхъ государей, бывшемъ въ завѣдываніи прежняго Прусскаго министра Штейна, высоко имъ уважаемаго, потомъ чиновникомъ при гражданскомъ управленіи въ занятыхъ Французскихъ областяхъ (въ Нанси) и по пріѣздѣ въ Россію исправлялъ должность статсъ-секретаря, завѣдывалъ кредитною канцеляріей М. Финансовъ, въ 1824 г. уѣхалъ въ чужіе края и съ того времени, осужденный по дѣлу 14 Декабря, не возвращался въ Россію, влачась въ Англій, Франціи, Швейцаріи и опять тамъ же. Въ службѣ онъ имѣлъ мало доброжелателей; противорѣчіе и своемысліе его дали о немъ невыгодное понятіе, какъ о чловѣкѣ опасномъ по своимъ стремленіямъ и безпокойномъ по своему самолюбію. Онъ много говоритъ о своихъ работахъ и вліяніи по дѣламъ, впрочемъ болѣе косвеннымъ. Изъ работъ его замѣчательнѣйшія: печатное—о порядкѣ налоговъ, не подушномъ, а поземельномъ, и

непечатныя: объ освобожденіи крѣпостныхъ. Последнее неизвѣстно; первое, по своему времени, было замѣчательно. Нельзя безъ участія смотрѣть на скитаніе этого даровитаго человѣка и не пожалѣть, что изгнаніе и это скитаніе не усовершенствовали пылкаго стремленія, которому постоянная дѣловая дѣятельность могла дать прочность и лучшее направленіе, а напротивъ изъ своенравнаго производителя дѣлъ превратили въ самоувѣреннаго рѣшителя и смѣлаго изслѣдователя сдѣлали нетерпѣливымъ порицателемъ. Это жаль. Вина въ обстоятельствахъ, и такое сильное вліяніе ихъ, впрочемъ, показываютъ не совсѣмъ сильную волю, имъ подавшуюся. Оправданія Тургенева противъ слѣдственнаго донесенія (Блудова), кажется, основательны, и судъ объ этомъ будетъ строгъ. Я не соображалъ обстоятельствъ, но думаю, что Тургеневъ правъ въ томъ, что донесеніе, въ судебномъ смыслѣ, изложено неточно, а сдѣланные выводы неопредѣленны и непослѣдовательны. Тургеневъ правъ, что осужденіе постановлено не по всей строгости судейскихъ основаній; но онъ неправъ, отрицая всю связь и всякое средство бунта съ замыслами предшествовавшихъ обществъ. Бунтъ былъ дѣйствіе, которому поспѣшность и случайность не дали собирательнаго направленія и значенія. Здѣсь есть разные роды преступниковъ, но предшествовавшіе тѣмъ не менѣе въ глазахъ власти преступники, люди вредные, опасные и требовавшіе мѣръ предупрежденія.

Если признательность къ Штейну и профессору Геде дѣлаетъ честь Тургеневу, то предосудительны отзывы его о Метернихъ, о Талейранѣ, отзывающіеся бранью, и еще болѣе предосудительны отзывы о Куракинѣ и особенно о Сперанскомъ. Сдѣлавшись простымъ гражданиномъ, бѣдный изгнанникъ въ первомъ видѣтъ недостижимаго для него боярина, а во второмъ статскаго семинариста, какъ Карамзинъ видѣлъ въ немъ ученика-секретаря. Сперанскій далъ образованіе дѣлопроизводству и, по моему мнѣнію, это важно: хорошая обрядность совершенствуетъ содержаніе. Не должно забывать, въ какихъ обстоятельствахъ работала Сперанскій, буруеваемый завистью и неопытностію собственною. При томъ же и четвертой доли предположеній Сперанскаго не приведено въ исполненіе.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ изображеніе Имперіи. Оно довольно кратко, довольно бѣдно содержаніемъ и писано съ неравнодушіемъ, которое можетъ быть извинено развѣ бѣдствіями изгнанія. Разность сужденій и предначертаній писателя лишаютъ ихъ довѣрія въ умъ читателя. Весьма основательныя сужденія о преобразованіяхъ Петра и Екатерины имѣютъ свое достоинство; но изложеніе и сужденіе современнаго поверхностны, кромѣ части финансовой, въ которой Тургеневъ имѣетъ особенныя познанія. Упрекая насъ въ недостаточномъ

пользованіи трудами Екатерины, Тургеневъ не дѣлаетъ упрека сводителямъ, за несовершенствою работою которыхъ прекрасные эти источники имѣютъ нынѣ только историческую цѣну. Но гдѣ бы ни былъ, что ни дѣлалъ бы, Тургеневъ всегда думаетъ о крѣпостныхъ. Или онъ дѣйствительно апостоль ихъ, или изгнанникъ, потерявъ поприще, хочетъ соединить имя свое съ этимъ событіемъ, вызвавъ его снова къ жизни. По моему мнѣнію крѣпостное право должно изглаживать, а не отмѣнять. Приложенія, нѣкоторыя, весьма любопытны: письма Поццо-ди-Борго, записка о Польшѣ Карамзина; но мы ихъ знали.

Третья часть гораздо лучше, обдуманнѣе, спокойнѣе и исполнена весьма многихъ счастливыхъ сближеній. Я думаю, что она написана гораздо послѣ двухъ первыхъ и не только по совѣтамъ, а при содѣйствіи, но и изъ источниковъ брата сочинителя, А. И. Тургенева, и другихъ Русскихъ путешественниковъ. Къ сожалѣнію весьма мало говорится о послѣднихъ годахъ, когда начались болѣе опредѣленные мѣры предположеннаго правительствомъ порядка. Третья часть содержитъ въ себѣ будущность Россіи. Тургеневъ излагаетъ: 1. Необходимость участія въ общемъ образованіи Европейскомъ, оуждая пристрастіе къ старому, негодующее на Петра, смѣшавшаго впрочемъ существенное и неважное, и оуждая правительство, предполагающее дать свое, народное образованіе мѣрами скрытными и огражденіемъ отъ мнимыхъ вредныхъ ученій. *Laissez aller* и *laissez faire* *) должно быть принято прямымъ правиломъ, потому что образованіе одно, недѣлимо и непремѣнно. Тургеневъ съ своей стороны признаетъ въ Россіи два препятствія на пути къ образованности: крѣпостное рабство и Польшу. Первое есть переходящее и должно въ небольшемъ времени уничтожиться; второе, Польша, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ непреодолимыя затрудненія. Они могутъ быть частію уменьшены смягченіемъ взаимной ненависти. Сочинитель очевидно находится въ недоумѣніи и, кажется, останавливается на мысли о предоставленіи Польшѣ самостоятельности, скрывая, что тогда Польское государство обойметъ всѣ Славянскія земли. Въ вознагражденіе за Польшу Россіи предоставляются земли южныя. Какія, не сказано; вѣроятно Турція. Второе отдѣленіе этой части есть собственно *Pia desideria* и заключаетъ въ себѣ сужденіе о необходимости преобразованій, которыя составляютъ отличительное свойство нашего времени. Преобразования нетрудны, коль скоро они созрѣли, и вообще опасеніе ихъ неосновательно, если предположена добрая цѣль: полезность облегчаетъ достиженіе. Тургеневъ совѣтуетъ по примѣру Штейна сгладить взаимную зависть сословій.

*) Дайте идти и дайте дѣйствовать.

Онъ не одобряетъ мѣръ, стремящихся къ установленію единства народности, вѣры и языка. По мнѣнію его эти условія второстепенныя и не препятствуютъ общему, человѣческому образованію подъ одною державою. Преобразованія должны исходить отъ власти обдуманно и постепенно, и Русскій народъ имѣетъ на это права, жившія и живущія въ преданіяхъ. Здѣсь, между прочимъ, Тургеневъ сообщаетъ современныя свѣдѣнія объ условіяхъ, поднесенныхъ Аннѣ въ 1730 г., и выписки изъ работъ Сперанскаго по государственному устройству, съ 1804 по 1810 г. предпринятыхъ. Это предначертаніе представительнаго порядка правленія, изъ сословій высшаго дворянства (аристократія или собственность, управляемая по закону), средняго (таланты и заслуги) и работающаго. Судъ и управленіе. Всѣ выборные раздѣляются на 4 степени, по выборамъ четырехъ думъ: дума общинная, уѣздная, губернская и государственная. Они составляютъ листы лучшихъ гражданъ (въ родѣ нотаблей Сіиса) и избираютъ судей и совѣты. Государственная Дума состоитъ изъ высшаго сословія и избираетъ высшій судъ (Сенатъ), гдѣ докладъ дѣлъ производится открыто по предварительномъ сообщеніи записокъ участвующимъ сторонамъ. Рядомъ съ Думою и Сенатомъ—министры, подвергаемые отвѣту Думою и судимые, какъ и другіе сановники, до губернаторовъ, въ особомъ высшемъ судѣ. Надъ всѣми учрежденіями стоитъ Государственный Совѣтъ Монарха.

Мнѣ кажется этотъ замѣчательный трудъ есть подражаніе Французскому и предпринять былъ не для исполненія, а по желанію молодого Государя видѣть, какъ эти мысли и рамы могутъ примѣниться къ Россіи. Это было изученіе, забава. Гораздо важнѣе, по моему мнѣнію, финансовый планъ Сперанскаго, въ 1810 г., его обвиненіе, записки Розенкампа и Армфельда и письмо изъ Перми 1813 г.

Тургеневъ не имѣлъ этихъ бумагъ, когда такъ рѣзко осуждалъ Сперанскаго въ первыхъ частяхъ и теперь измѣняетъ свои отзывы. Многія изъ основныхъ мыслей Тургенева, о крѣпостномъ правѣ, о подушной подати, о деньгахъ и билетахъ и друг., давно возбуждены и уяснены Сперанскимъ. Въ отношеніи обвиненія Сперанскаго нельзя не согласиться, что онъ могъ дать справедливый поводъ, если (что болѣе нежели вѣроятно) дозволилъ себѣ—и это въ то время, когда правительство, распространившее неудовольствіе въ сословіяхъ, ожидало войны и нуждалось въ общественномъ довѣрїи, дозволилъ себѣ такой отзывъ: „que les éléments de l'état actuel de l'empire étaient si mauvais qu'on ne pouvaient y remédier: que tout était parvenu au point qu'il fallait attendre les événemens, et que ce n'était que par les grands malheurs

qu'un meilleur ordre de choses pouvait être produit¹⁾. Это или почти это говорит Сперанскій и въ своемъ письмѣ, въ Январѣ 1813 г. изъ Перми. Сперанскій вскружилъ голову молодому Государю и начатками преобразованій хотѣлъ сдѣлать себя необходимымъ. Онъ много перерочилъ, не создавъ ничего цѣлаго и во многихъ случаяхъ обрядность смѣшивалъ съ существенностію. Обвинительная записка доказываетъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, какъ эти члены и предсѣдатели боялись его и безъ изслѣдованія (какая простота!) принимали все чтò, онъ ни скажетъ, *cet être calme et profondément dissimulé, possédant l'art de la parole et de la rédaction joint à des formes très agréables*²⁾ и проч. Сперанскій далъ поводъ, но онъ не былъ и не могъ быть виноватъ. Подробности преобразованій Тургеневъ раздѣляетъ на совмѣстныя съ самодержавіемъ и съ представительностію. Изъ первыхъ *предварительныя* суть: *вольность* крѣпостныхъ безъ земли, съ опредѣленными условіями и съ землею, по силѣ вознагражденій, которыя онъ не признаетъ непременно должными. Онъ полагаетъ предоставить крестьянамъ дворъ и огородъ съ правомъ перехода и безъ всякаго возмездія владѣльцу, обязавъ помѣщиковъ приступать къ условіямъ подъ опасеніемъ, въ назначенный срокъ, подчиниться условіямъ, какія предпишетъ правительство. Или вольность съ $\frac{1}{3}$ земель; здѣсь можно допустить вознагражденія. Превращеніе подушной въ поземельную подать и проч. мѣры второстепенныя, какъ то выдача квитанцій за перевозку, должствующихъ имѣть цѣнность взамѣнъ податей и проч. Преобразованія *послѣдующія*—это законодательство и управление. Къ первому Тургеневъ относитъ *codification*, перемѣшивая собраніе, сводъ и усовершеніе законовъ, судебную часть, съ присяжными, но безъ обвинителей, съ повременными судами. Все это поверхностно и сбивчиво. Онъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Къ управленію Тургеневъ относитъ собственно управление, сколь можно менѣе сосредоточенное, воспитаніе—сколь можно доходящее до низшихъ сословій и открытое для всякихъ истинъ и свободу печатанія, безъ политики, богослуженіе, совершенно свободное, терпѣніе исповѣданій, войско—съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній и сокращеніемъ сроковъ, финансы, печатаніе и внѣшняя политика. Кромѣ послѣдняго (политики) гдѣ видѣнъ Европеецъ и даже мечтатель о Нѣмецкой и Итальянской стихіи на Востокъ, все прочее коротко и неполно. Давайте свободу, учите и сводите съ иностранцами:

¹⁾ Начала современнаго состоянія Имперіи были до того худы, что ихъ нельзя было исправить: во всемъ дошло до того, что надлежало только ждать событій, и ходъ дѣлъ могъ быть улучшенъ не иначе какъ черезъ великія бѣдствія.

²⁾ Этотъ человекъ спокойный и глубоко скрытый, владѣвшій даромъ слова и изложенія, въ добавокъ очень пріятнаго.

вогь общее значеніе. Преобразованія по устройству *представительности* развиты съ бѣльшею опредѣлительностію, но не съ большимъ удосто- вѣреніемъ пользы и примѣнимости. Виды правленія суть только сред- ства достиженія общественнаго благосостоянія и личнаго совершенства. Лучшій видъ есть представительный. Основной Русскій законъ—la *Rousskaya Pravda*—долженъ освятить: 1, равенство передъ закономъ, 2, свободу слова и печатанія, какъ лучшее огражденіе правильныхъ дѣйствій; 3, свободу совѣсти соревнованіемъ расколовъ; 4, судомъ равныхъ, избираемымъ изъ сословія судимаго; 5, представительность можетъ имѣть двѣ палаты или думы, лучше одну (народную думу), составленную вопервыхъ изъ представителей разныхъ занятій (ученыхъ, служащихъ, промышляющихъ) и изъ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній опредѣленнаго размѣра. Это избиратели, изъ которыхъ не исключаются ни духовныя сословія, ни иностранцы, подходящія подъ условія. Изби- раемые не подчиняются никакимъ условіямъ. Предоставя право избирать, власть за тѣмъ должна доставить избранію полную свободу. 6. Испол- нительная власть должна изникать изъ верховной и заключаться въ министрахъ, отвѣтственность которыхъ опредѣляется точными поста- новленіями, возбуждается народною думою, но назначается обцимъ высшимъ судомъ. 7. Независимость судей и начало управленія, сколь возможно мѣстнаго (*décentralisation*). Представительное правленіе по- лезно всѣмъ и каждому кромѣ ничтожныхъ и лѣнливыхъ, прозябаю- щихъ подъ тѣнію и во мракѣ неограниченной власти. Говоря о раз- ныхъ бѣдствіяхъ и удрученіяхъ человѣка, Тургеневъ такъ оканчиваетъ свое сочиненіе: *Pourquoi, juste Ciel, à tant de calamités ajouter encore le fléau d'un mauvais gouvernement* *).

Дѣло не въ томъ, какой видъ правительства лучше, а въ томъ, подъ какимъ правительствомъ жить лучше. Франція и Пруссія выра- зили въ своихъ учрежденіяхъ, первая—начало общественности, вторая— ученія или науки. По моему мнѣнію и то и другое удалены отъ есте- ственности и сопровождаются бореніемъ, раздраженіемъ и пробужде- ніемъ неудовлетворимыхъ требованій. Они количество принимаютъ за качество, законность или обрядность за справедливость и мнимое за дѣйствительное. Чѣмъ ближе законность будетъ приближаться къ есте- ственности, тѣмъ болѣе благосостоянія. Будетъ меньше блеску, за то меньше и зависти; меньше выразительности, за то меньше ошибокъ и ухищреній соревнованія. Естественныя условія тѣмъ лучше другихъ, что, не будучи въ силахъ и волѣ человѣка, они для всѣхъ равны, и

*) Праведный Боже, зачѣмъ къ стольнымъ несчастіямъ присоединять еще бѣдствія плохаго управленія?

обязательность ихъ не возбуждаетъ ропота. Я выражаю естественность началами возраста, давности и постепенности.

Какая отвратительная картина Французскаго переворота представляется даже въ описаніи Ламартина. Сердце возмущается отъ насилій, низости и подлости то изверговъ, подчиняющихъ все своекорыстію, то изувѣровъ, ломающихъ все по своемумыслию, по неумолимой требовательности омраченнаго самозабвенія. Это настоящій переворотъ, въ нѣсколько пріемовъ выбросившій разныхъ представителей власти, адвокатовъ, журналистовъ, писцовъ, наконецъ привратниковъ, цирюльниковъ, сторожей. Слой за слоемъ поднимается общественная нива, отверзая низшихъ и погребая высшихъ. Выворотившись до дна, человѣчество убѣдилось только въ томъ, что невозможно совершенство и что достиженіе нѣкоторыхъ степеней его возможно не иначе какъ постепенно, съ терпимостію и съ искреннею доброю волею и безкорыстіемъ. Стѣдить для этого убѣжденія столько мученій, волненій и жертвъ! Что-то скажутъ въ свое оправданіе эти губители, ставъ лицомъ къ лицу съ своими жертвами предъ судомъ Вышняго? Вѣрованіе въ свои убѣжденія ихъ не оправдаетъ. Есть убѣжденіе высшее, человѣку данное, въ откровеніи вѣры. Необходимость обстоятельствъ и теперь ихъ не оправдываетъ: душегубцы гнали казни, увеличивая число жертвъ. Мщеніе прошедшаго? Но кто далъ имъ мечъ отмщенія и суда въ своемъ собственномъ дѣлѣ, и какъ эти мстители понимали божественное ученіе, чуждое мщенію. Благо будущаго? Но кто далъ этимъ благодѣтелямъ право жертвовать поколѣніемъ настоящимъ для будущаго и что сдѣлали они для этого будущаго? Какія огражденія благосостоянія, какое ручательство спокойствія? Не въ свое дѣло вмѣшивается человѣкъ, думая направлять развитіе, и низко назначеніе его, если онъ полагаетъ его въ отмщеніи прошедшему.

Переборка чиновниковъ у насъ и во Франціи все еще продолжается. У насъ взяли другой путь: увольняютъ и отставляютъ безъ суда, даже за такія дѣянія, которыя навлекаютъ бѣльшее взысканіе. Очевидно, что здѣсь или не полагаются на суды или не надѣются доказать виновность; и то и другое обнаруживаетъ рѣшительную неудовлетворительность правосудія. Когда Ахенскій, Карлсбадскій съѣзды полагали основанія къ подавленію вольномыслія и противодѣйствій строгими мѣрами и вмѣшательствомъ виѣшнимъ, поприще мышленія естественно пустѣло болѣе и болѣе, и стремленіе бросилось на службу. Тѣснота этого поприща обратила къ выгодамъ не славы, но богатства. Богатство привело ко взяткамъ, къ подкупамъ и обманамъ. Торгуютъ совѣстію и присягою, вымогаютъ властію и угрозами. Эта гражданская безнравственность въ Испаніи, Португаліи, Франціи и Англіи дошла до край-

ности. Франція представляетъ странное явленіе. Министерство Гизо довело вліяніе свое до рѣшительнаго большинства и доведя, обезсилило собственное нравственное достоинство: засадивъ палату преданными, но мало способными представителями, оно цѣлый годъ (1847) переливало изъ пустаго въ порожнее. Оппозиція не стѣсняется никакими названіями. Когда, по одному дѣлу, министръ юстиціи съ негодованіемъ сказалъ: надобно различать, что говоритъ министръ и что преступникъ, одинъ представитель отвѣчалъ: теперь различить это трудно.

*

Генераль-лейтенанты Тришатый и Добришинъ разжалованы въ рядовые. Острастка это или правосудіе? Надобно отказаться отъ успѣха оградительныхъ правилъ хорошаго управленія, чтобы вмѣсто правосудія призвать острастку. Все это временное, частное, и за нимъ зло идетъ и пойдетъ своимъ чередомъ. Оградительныя правила лучше всякой гласности, и мнѣ искренно жаль, что, по примѣру другихъ, слѣдующихъ Франціи, мы мало ими занимаемся. Частыя злоупотребленія привели къ престранному убѣжденію или лучше предубѣжденію въ неискоренимости зла предупредительными мѣрами. И вотъ раздается громъ. Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится,— правда; но правда и то, что крестъ не вѣра и не всѣ боятся грома. Г. Тришатый, замѣтить надобно, былъ вообще не любимъ.

*

Прочелъ я и VII часть Тьера „Консульство и Имперія“. Бойкій писатель называетъ это исторіей! Лямартинъ (Girondins) написалъ нѣчто среднее между исторіей и записками, и вышелъ просто рассказъ занимательный, но безъ достоинства; а Тьеръ написалъ нѣчто среднее между рассказомъ и реляціями, и вышло описаніе съ достоинствомъ, но безъ занимательности. А между тѣмъ какіе богатые источники въ его распоряженіи! Исканіе исторіи въ наше время превосходитъ всякое вѣроятіе. Общественныя, церковныя и ученые исключительныя ученія коверкаютъ событія, а алчная корысть и работу о всякихъ предметахъ превращаетъ въ какое-то торговое предпріятіе. Книги Тьера писаны какъ будто машинами-писарями.

*

По предположенію гр. Панина д. студенты, до 10 въ годъ, могутъ опредѣляться въ судебныя палаты, съ жалованьемъ до 300 р. ср. въ годъ съ преимущественнымъ правомъ на занятіе вакансій столоначальниковъ. Гр. Панинъ предполагаетъ вербовать канцеляріи изъ университетовъ, а присутствія изъ Училища Правовѣдѣнія. Эти касты наборовъ вытекаютъ изъ общей системы министра, желающаго оградить любимую его стихію—дворянство. Но здѣсь-ли корень этой стихіи?

Сегодня приходилъ ко мнѣ прощаться Клеоникъ Артемовскій-Гулакъ. Этотъ молодой человѣкъ началъ у меня службу, послѣ меня исправлялъ должность г. стр. угол. дѣль и теперь посылается въ Кипиневъ совѣтникомъ. Его не хотѣли терпѣть помощникомъ столоначальника, и вотъ куда ведетъ сосредоточенность: посылаютъ на высшее и самостоятельное мѣсто въ отдаленной области. Это молодой, добрый малый, слабый въ познаніяхъ, разсѣянный и любящій искусство.

Если вѣрить словамъ Пинскаго, Гевлича и Топильскаго, какая глубоко порочная душа въ огромномъ тѣлѣ гр. Панина. Впрочемъ я не знаю *ни одного* человѣка, *ни одного*, который бы выгодно отозвался объ немъ. Я всегда видѣлъ въ немъ большое могущество воли, упрямнаго ума, проникательнаго и широкаго. Если онъ устоитъ долго, онъ введетъ порядокъ, опредѣленные начала дѣйствія, хотя я сомнѣваюсь, чтобы этотъ порядокъ соответствовалъ времени. Охранитель, онъ введетъ борьбу, которая будетъ тѣмъ открытѣе, что доселѣ быстрая наша подвижность вызвала, его голосомъ, слишкомъ рѣзкія ограниченія. Но на немъ всегда будетъ лежать упрекъ въ томъ, что онъ не рѣшился улучшить судебную часть, между тѣмъ какъ это вовсе не такъ трудно, какъ онъ полагаетъ. Если онъ не повѣрилъ моему донесенію (въ Январѣ 1847), то пусть онъ повѣритъ хотя посланнымъ имъ членамъ консультаціи.

*

Я прочелъ: *Das Wesen der freien christlichen Kirche*, von Johannes Ronge, Hambourg, 1847., и сдѣлалъ обширныя замѣчанія. Ученіе это пойдетъ въ ходъ, потому что проникнуто общенароднымъ направленіемъ; но пользы отъ него я не ожидаю и не думаю даже, чтобы оно могло осуществиться. Ему недостаетъ существенныхъ качествъ учрежденія, и поэтому оно легко примется за основаніе борьбы и можетъ служить поводомъ къ явленіямъ, подобнымъ сенсимонизму, социализму, съ которыми оно имѣетъ много общаго.

Думаю я начать „Сборникъ“. Помоги, Господи! Работа трудная, въ предполагаемомъ мною смыслѣ, трудъ полезный. Если я совершу его, это должна быть настольная книга для всякаго читающаго и занимающагося. Я думаю изложить въ ней: прошедшее и настоящее, собственно исторію и статистику, въ простыхъ означеніяхъ и съ приложеніемъ подлинниковъ или актовъ.

*

Министръ присылалъ ко мнѣ вице-директора Топильскаго, чтобы предупредить о назначеніи меня за оберъ-прокурорскій столъ съ штатнымъ, уменьшеннымъ противъ настоящаго, содержаніемъ. Я согласился, скрѣпя сердце. Мы уже разсуждали объ этомъ съ женою. Я радъ вы-

браться изъ моего ложнаго положенія, хотя и предстоящее мѣсто само по себѣ довольно неопредѣленно и слѣдовательно ложно. Все шагъ впередъ. Искренно благодарю гр. Панина.

*

Новый годъ. Сверхъ чаянїя многіе прїѣзжали повидаться со мною, вѣроятно въ чаянїи поздравить съ какимъ-нибудь назначеніемъ.

Несчастливъ прошедшій годъ по смутамъ на Западѣ, особенно съ того времени, какъ намѣстникъ Христа вмѣсто истинъ Евангелїя сталъ проповѣдывать о реформахъ. Это окончательное разрушеніе католическаго авторитета и непремѣнно должно имѣть для самого папы важныя послѣдствїя и вообще низведеніе волненїй въ сословіе духовенства. Теряя или уступая свѣтскую власть, папа поплатится и властію духовною, особенно уваженіемъ, которое къ нему имѣютъ, какъ къ святѣйшеству. Можно раздѣлить власть, но не лицо. По моему мнѣнїю папѣ слѣдовало совершенно отказаться отъ свѣтской власти, такъ много вредящей церкви и главѣ ея, и остаться духовнымъ правителемъ католицизма. Смиреніемъ монахъ выигрываетъ. Для блага Запада я бы желалъ, чтобы тамъ утвердилось какое нибудь, хоть демократическое, начало. До какой наглости доходилъ радикализмъ, до какой низости доводитъ консерваторство, мы видимъ въ Швейцарїи и Франціи. Гизо стремится утвердить династію.... Охъ эти человѣческіе виды въ дѣлахъ человѣчества! И скоро ли угомонится это движеніе и волненіе, не пора ли остановиться или по крайней мѣрѣ отдохнуть? Много грѣха на душѣ 1789 г. Отреченіе отъ Бога и казни Его помазанника поколебали въ основанїяхъ вѣрованїя и убѣжденїя.

У насъ очень много дѣятельности и въ особенности ревизїй. Это не безъ пользы, но почему все это не постоянно, не послѣдовательно? Отъ чего бы эти летучія искры не сдѣлать постоянными и не учредить окружныхъ инспекторовъ? Неужели не очевидно, что централизація неудовлетворительна? А между тѣмъ и у насъ, особенно въ молодежи, бродятъ безпокойныя мысли и мало по малу образуется негласная и замаскированная оппозиція или укорительница. Дай Богъ ума-разума нашимъ правителямъ.

Сегодня министръ былъ у Государя, и гуляя я узналъ о моемъ переименованїи. Сегодня же прїѣхалъ деверь мой А. А. Боборыкинъ. Надобно сойтись и намъ поближе. Это прекрасный человѣкъ, съ кротостїю души, преданной Провидѣнїю, которое въ понятїяхъ его управляетъ и нашими мелкими дѣлами, независимо отъ человѣческаго произвола. Я ничего не могъ добиться отъ него и оставилъ все до письма его изъ Москвы, отъ котораго впрочемъ я ничего не ожидаю опредѣленнаго. Запутанность дѣлъ, кажется, очень велика, и всего хуже то.

что Александръ льстится зыбкими надеждами и едва ли самъ знаетъ о дѣлахъ своихъ.

*

Сего дня, 20 Февраля, разнесся слухъ о низверженіи Орлеанской династїи, о третьей Февральской революціи во Франціи. Событіе важное, глубоко поразившее меня лично потому, что оно совершилось съ нарушеніемъ порядка, основаннаго на свободѣ и огражденнаго усовершенствованными формами парламентскаго управленія. Какое вѣрно огражденіе, если и государственная свобода не защищена отъ насилія? Или большинство палатъ не ручается за согласіе націи, или это большинство есть только мнимое, законопродавцы, подкупленные мѣстами, орденами и деньгами? Я нахожу, что самая главная причина состоитъ въ несообразности представительныхъ учреждений. Представительность есть изобрѣтеніе сосредоточеннаго управленія и по существу своему есть мнимое замѣненіе мѣстности. Мнимое никогда не укоренится, и средоточенное вѣдомство рано или поздно должно разбиться на свои естественныя части. По мнѣнію моему, чистое монархическое начало рѣшительно невозможно во Франціи; смѣшанное—угрожаетъ постоянными спорами, смутами и борьбою. Надобно быть какимъ-нибудь сорванцемъ Луи-Наполеономъ, чтобы рѣшиться принять титулъ въ странѣ, гдѣ всѣ титулы въ третій разъ отмѣняются и безъ всякаго уваженія. Одно начало возможно—республиканское, но если и при немъ сохранится какая-нибудь двойственность, борьбы не перестануть. Эта двойственность, взятая изъ Англіи, рѣшительно основаніе неправильное. Если наконецъ удержатся централизація и представительность, порядка и спокойствія не будетъ. Только начало давности и мѣстности представляютъ условія естественныя и слѣдовательно постоянныя и прочныя.

Открытыя возстанія во Франціи начались съ 1789 г. Безъ оппозиціи министровъ и парламента не было бы поводовъ къ вмѣшательству толпъ, которую схватили неблагонамѣренныя честолюбцы, ею же въ послѣдствіи низвергнутые и уничтоженные. Областное раздѣленіе замѣнено общимъ, разнообразное управленіе уступило мѣсто единообразному, мѣстные интересы перенесены, чрезъ представителей, въ сосредоточенныя. Преобразование это стоило жизни цѣлому поколѣнію, двумъ. Между тѣмъ въ существѣ оно, логическое по ученіямъ схоластиковъ, есть насильственное или покрайней мѣрѣ неестественное, противъ котораго протестовали всѣми ясно выраженныя мнѣнія объ отдѣльныхъ республикахъ, Ліонской, Марсельской, Вандейской, облитыхъ кровію, оружіемъ поборниковъ сосредоточенности. Если бы прежніе парламенты уцѣлѣли и получили (обыкновеннымъ путемъ улуч-

пеній) надлежація преобразованія, нужда 1789 г., устранившая легально, не привела бы къ ужаснымъ революціоннымъ временамъ, начавшимся казнію короля и твердого вѣрованія, и продолжающимся до нынѣ. Послѣдніе перевороты 1830 и 1848 г.г. низвергли самое (канцелярское) начало законности. Теперь путаница пойдетъ далѣе: законъ о регентствѣ устранивъ кѣмъ и какъ? Министры разбѣжались, палаты распущены кѣмъ и какъ? Виновные будутъ судимы кѣмъ и какъ? А между тѣмъ самая смѣлая ученія, давно ходяція по свѣту, втираются въ жизнь и требуютъ неслыханныхъ доселѣ установленій. А мы тщеславимся съ гг. Гизо и Дюшанелемъ своею государственною предусмотрительностію!

Вышелъ указъ о собственности крѣпостныхъ. Или это очевидное противорѣчіе, маленькій шагъ къ возбужденному вопросу, или это узаконеніе мѣры, которая всегда была терпима. Замѣчательно, что всѣ эти мѣры начались съ дѣла о крестьянахъ, проданныхъ отъ бывшей графини Самойловой, убѣжавшей съ какимъ-то Французикомъ. Но я частію радъ этой мѣрѣ: она приведетъ или можетъ привести къ мѣрѣ болѣе полезной—къ улучшенію нашего правосудія, для котораго у насъ ничего не сдѣлано и безъ котораго нельзя ожидать никакихъ преуспѣяній. А между тѣмъ какъ можно бы подвинуть его, ничего не ломая, никого не обижая. Улучшить составъ введеніемъ требованій по крайней мѣрѣ средняго образованія для выборныхъ членовъ, увеличить содержаніе, уменьша число, облегчить дѣлопроизводство по примѣру прочихъ учрежденій, отмѣнивъ повторительную переписку и грубую формальность, издать суды внѣ зависимости губернаторовъ, назначивъ особыхъ окружныхъ начальниковъ для посредства съ сосредоточеннымъ вѣдомствомъ и улучшить, хоть немного, судопроизводство. А главное—служебный уставъ! Это самый существенный недостатокъ нашего устройства и главная приманка всѣхъ произвольныхъ назначеній.

Первое и послѣднее слово крестьянъ, приглашенныхъ на волю: „заступы не будетъ, начальниковъ много, суда не найдешь“. Улучшеніе мѣстныхъ и уѣздныхъ управленій имѣло бы самое дѣйствительное вліяніе на освобожденіе крестьянъ. Только мало толку вижу я въ этомъ освобожденіи: благоустройство помѣщичьей власти есть, по моему мнѣнію, самое лучшее и вѣрнѣйшее средство благосостоянія крестьянъ.

При представленіи моемъ 13 Фев. министру онъ казался озабоченъ уменьшеніемъ моего содержанія съ назначеніемъ за оберъ-прокурорскій столъ. Я говорилъ объ этомъ съ шуриномъ моимъ и просилъ его увѣдомить о помощи, на которую мы можемъ считать отъ него. Получивъ его увѣдомленіе, что мы можемъ надѣяться на

присылку до 4000 р. въ годъ, я написалъ объ этомъ къ гр. Панину и заключилъ мою записку глубокою признательностію къ его вниманію. Нынѣ вице-директоръ Топильскій, по порученію министра, передалъ мнѣ, что графъ искренно благодарить меня за это увѣдомленіе и увѣряетъ, что повышеніе мое и увеличеніе моего содержанія онъ принимаетъ на себя.

*

Сегодня, 14 Марта, обнародованъ манифестъ, которымъ Государь даетъ знать народу о безпорядкахъ на Западѣ, манифестъ сильный и громкій. Можетъ быть, исполнится мое желаніе: Россія станетъ во главѣ монархическаго начала и, отстоявъ его, водворить порядокъ силою, если опытъ и убѣжденіе не помогутъ. Страшна эта борьба, но едва ли можно будетъ обойти ее и начавъ едвали можно будетъ оставить безъ окончанія. На Австрію и Пруссію надѣяться нечего. И такъ мы будемъ одни. Мы весьма сильны, но не въ борьбѣ за начало и не въ войнѣ наступительной. И такъ остается охранять себя, охранить западную границу и эту Польшу, которая, безъ имени и положенія, все смотритъ какою-то незаконною дочерью великаго Славянскаго племени. Если дѣло дойдетъ до крайности, до защиты нашей независимости, я иду въ военную службу. Дай Богъ, чтобы голосъ нашъ не раздражалъ противъ насъ еще болѣе народы Запада и чтобы нынѣшній переворотъ былъ послѣдній для челоуѣчества къ пути улущеній мирныхъ и постепенныхъ. Дай Богъ, чтобы это испытаніе Божіе утвердило по крайней мѣрѣ въ той мысли, что одно прямое дѣйствіе прямо ведетъ къ цѣли и что ухищренія умовъ, хотя бы эти умы были первостепенные, приводили къ неожиданнымъ концамъ и къ непредвидѣннымъ разрѣшеніямъ. Политика стубила политическія власти. Государственныя дѣла болѣе сопрягаются съ народными, и распространеніе демократическаго начала совершается съ неимовѣрною быстротою, проникнувъ даже въ Венгрію и Германію. Ужасно смотрѣть на это повсемѣстное преобразование напоромъ, быстро, дерзко и безъ достоинства. Можно думать, что всѣ торопятся, опасаясь пожара, наводненія или общаго возстанія.

Франція вся на ногахъ и не переводитъ духа, ожидая рѣшенія отъ народнаго собранія. Временное правительство безпрестанно переступаетъ предѣлы своего призванія и смѣлыми мѣрами и несбыточными обѣщаніями старается предупредить возможность всякой монархіи. Я недумаю чтобы Наполеонъ (военный диктаторъ) тамъ могъ являться или явись удержаться. Республиканское правленіе одно совмѣстно съ настоящимъ расположеніемъ умовъ ся. Теперь это правленіе еще аристократическое: аристократія талантовъ Араго, Лямартина, Луи-Блана

и адвокатовъ; но это не продолжится: масса демократовъ нахлынетъ, и правительство изъ бѣлыхъ рукъ перейдетъ въ черныя.

Испанія—въ политическомъ отношеніи страна самая деморализованная—не удержится, тѣмъ болѣе, что у Изабеллы нѣтъ дѣтей, сама она скучаетъ, а Монпансье и по самому имени не можетъ имѣть прочной надежды. Съ утвержденіемъ республики во Франціи утвердится она и въ Испаніи.

Испанія уже готовится къ новому порядку вещей. Ловкій Карлъ Альберъ думаетъ сосредоточить на Сѣверѣ обширную Итальянскую монархію. Если это возможно, то на самое короткое время. Нынѣ ловкость ненадежна, а Карлъ Альберъ не представляетъ другихъ ручательствъ. Либераль по необходимости, онъ много имѣетъ противъ себя въ прошедшемъ, и оно сгубитъ его будущее.

Неаполь уже раскаялся. Учрежденіе республики и успѣхъ ея на Сѣверѣ превратитъ и Неаполь въ республику, теперь король силенъ тамъ по ненависти Неаполитанцевъ къ Сицилійцамъ. Соперничество это можетъ долго продолжиться, но развитіе правъ Сициліи потребуетъ того же и въ Неаполѣ, и власть только именовательно будетъ монархическая.

Белгія—самая безхарактерная въ народномъ отношеніи нація—слишкомъ близка и сродственна Франціи, чтобы не подвергнуться полному ея вліянію; но мнимая монархія здѣсь возможнѣе нежели гдѣ-нибудь, хотя Леопольдъ, какъ зять Филиппа, и потому уже монархъ непрочный. Голландія не оставитъ короля и не вспомнитъ своихъ республиканскихъ временъ штатгальтерства, но она обрѣжетъ его и уроняетъ свои вольности съ Белгійскими.

Въ Германіи монархическое начало сильно, но убѣжденія, газеты и памфлеты такъ подмыли и подмоютъ его, что это монархическое начало дойдетъ до крайняго развитія конституціоннаго. Теперь въ Германіи повсюду конституціи; въ самомъ непродолжительномъ времени онѣ достигнутъ крайняго развитія. Единство Германіи есть химера; какое можетъ быть единство въ странѣ изполованной національностями и такими вражескими какъ Нѣмецкая и Славянская? Хотятъ Славянъ принять въ общій представительный сеймъ; этого не будетъ. Голштинія-Шлезвигъ отложится отъ Даніи, Славянскія земли отойдутъ отъ Нѣмецкихъ.

Это поводъ къ самому важному вопросу, къ вопросу о Польшѣ. Если его не разрѣшитъ Государь самъ, онъ останется источникомъ ненависти Запада къ Востоку.

Англія непремѣнно подается. Она не удержитъ Ирландію.

Наступило время національностей. Сложные составы разложатся на простыя части, и отдѣльность, при сліяніи сродственныхъ частей, произведеть совокупность.

Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что монархическое начало исчезаетъ и что представители его должны заботиться о обезпеченіи своей участи и добровольномъ отступленіи.

Какое время и какія событія! Есть-ли въ нихъ прочность и ручательство будущаго?

Военная сила уступаетъ мѣсто силѣ печатной. Послѣдняя пойдетъ далѣе, потому что возможность ея обширнѣе. Но скоро ли и къ чему приведетъ человѣка это новое испытаніе? Буди, Боже, милостивъ!

Министръ, за ревизію мою въ Августѣ и Сентябрѣ 1846 г. въ бумагахъ отъ 1 Апрѣля 1848 г. изъясняетъ мнѣ признательность за добросовѣстный и полезный трудъ мой. Время! Изъ любопытства и справлялся: точно, донесеніе мое разсматривалось и распоряженія по немъ дѣлаются только теперь, черезъ 22 мѣсяца. Я просматривалъ докладъ; это почти перифразъ моего донесенія съ искаженіями. Я разбиралъ предположенныя распоряженія; это противорѣчія и путаница. Министру вникать въ подробности некогда, а директоръ вѣрно почіетъ на лаврахъ. Но неужели такіи ни шагу, ни на унцію не сдѣлають для бѣднаго правосудія?

Слухъ все хуже и хуже о дѣлахъ Запада. Но что скажутъ, когда воздвигнется трибуна до 900 представителей? Такъ-ли сякъ-ли, а эта Польша введетъ насъ въ соприкосновеніе тяжкое, потому что оно требуетъ денегъ, опасное—потому что число недовольныхъ очень обширно. Событія Запада, какъ и слѣдовало предвидѣть, производять у насъ реакцію: усиленіе надзора неосторожными, усиленіе строгости цензуры. Современникъ и От. Записки, за Апрѣль, являются уже пусты и пошлы; усиленіе крѣпостнаго права; уже изданъ и посланъ циркуляръ, отрицающій всѣ возбужденныя толки. Но приведутъ ли къ цѣли эта поспѣшность и незаконность? Нѣтъ. Надзоръ изощритъ хитрость и большую тайну неблагонамѣренности; цензура усилитъ вліяніе иностранное, отрицательство породитъ недовѣріе, и все это только умножитъ число недовольныхъ.

Сегодня былъ у меня человѣкъ солидный, И. П. Липранди. Говоря о губернаторахъ, онъ между прочимъ повторилъ общее мѣсто: „назначаютъ дураковъ, какъ кн. Васильчиковъ, кн. Трубецкой или кн. Урусовъ. Теперь перваго перемѣщаютъ въ Житомиръ, нашли человѣка!“ Боже мой! Да чтоже это за правители, если о нихъ такъ отзываются солидные люди и притомъ близкіе къ высшему правительству? Хоть бы поскорѣе установилась эта кутерьма, можетъ быть, Госу-

дарь принялся бы за устройство гражданское. Неужели правъ В. А. Шереметевъ, что внутри, въ губерніяхъ, жить нельзя?

Странная вещь! Осмотрѣвъ шесть губерній, я нашелъ въ высшихъ лицахъ произволь вопіющій, особенно въ Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ, а въ низшихъ—безпечность безстрашную. Не понимаю, не могу представить себѣ, какъ не найдется ни одного человѣка, который бы, хотя бы подь страхомъ опалы, рѣшился сказать Государю правду?

Каратыгинъ м. на вопросъ, когда братъ его отправится за границу, отвѣчалъ: куда же ему ѣхать теперь, когда Европа вышла изъ границъ? Государь, узнавъ объ этомъ, передалъ вел. кн. Михаилу Павловичу, который отвѣчалъ: *Oui, depuis que les Francais ont perdu Louis (l'oui), ils ne peuvent plus s'entendre.* Трудно представить какъ смутны понятія у насъ о событіяхъ Запада, и каламбуры не препятствуютъ серьезно пообдумать о нихъ. Для государей пришло время тяжкое, время ужасное.

Во Франціи еще ничего опредѣленнаго. Можно ожидать, когда и кто выберется и что начнутъ выборные и въ какой мѣрѣ департаменты (мѣстность) окажутъ противодѣйствіе произволу партера (средоточію). Противодѣйствіе едвали возможное, при засѣданіяхъ посреди Парижскихъ реформаторовъ, а при томъ трудное уже и потому, что временное правительство, Богъ знаетъ кѣмъ выбранное, такъ много приняло радикальныхъ мѣръ, такъ много сдѣлало положительныхъ распоряженій и возбудило такіе вопросы, что поворотъ отъ республиканскаго начала, безъ новаго переворота, рѣшительно не возможенъ. Вѣрно, что это правительство желаетъ республики и при томъ демократической, въ которой бы лестъ и обѣщанія могли проложить путь олигархамъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствія временнаго правительства и его комиссаровъ односторонни, своекорыстны и преступны.

Какъ бы то ни было, опытъ 60 лѣтнихъ волненій и обманчивыхъ довѣрій остановить на опредѣленномъ началѣ республиканскомъ; но какъ оно выработается—покажетъ время. Конфедерации Парижъ не допустить. Остается ожидать единства во множествѣ. Я думаю, остановятся на представительствѣ въ широкомъ размѣрѣ, т. е. на собраніи законодательномъ или конгрессѣ, гдѣ президенство будетъ избирательно, потомъ на собраніи бюстительномъ, постоянномъ или Сенатѣ, избираемомъ изъ среды конгресса и наконецъ на министерствахъ, дѣйствующихъ подь наблюденіемъ Сената. Сокращеніе налоговъ отъ сокращенія содержанія всѣмъ чиновникамъ и отъ уменьшенія постоянныхъ линейныхъ войскъ. Учрежденіе министерства труда или работъ (этотъ фронтисписъ новой революціи) можетъ имѣть, въ томъ видѣ какъ должно предполагать его значеніе, важныя послѣдствія: увеличеніе расходовъ

на устройство ассоціацій и работъ и упадокъ мануфактуръ и вообще производительности, угрожающей обнищаніемъ всей страны. Франція богатѣла отъ того, что была во главѣ образованности и вкуса. Если равная свобода утвердится въ Германіи и вообще во всей Европѣ, соперничество съ Франціей сдѣлается совмѣстнымъ и балансъ ея упадетъ; упадетъ онъ уже и потому, что въ настоящее время перерывъ сношеній и сдѣлокъ обратитъ другія государства къ своимъ собственнымъ способамъ и отсѣчетъ многія требованія. Гордая и надменная нація изъ первой сдѣлается равной и даже меньшей. Нѣтъ сомнѣнія, что мы измѣнимъ нашъ тарифъ и наши реестры книгъ и журналовъ. Дай Богъ только, чтобы строгость не перешла предѣловъ и излишними мѣрами не произвела внутренняго противодѣйствія тайнаго, которое тѣмъ опаснѣе, что, идя изворотами, низко и подло, оно непримѣтно подмываетъ основныя начала и приготовляетъ незапное ихъ разрушеніе.

Настоящія событія представляютъ новыя доказательства несоответственности централизаціи, которая и безъ деспота, какъ Наполеонъ, такъ деспотически вертитъ бѣднымъ государствомъ, не внимая и не слушая мѣстности. Мѣстность, провинціализмъ нелегко отстанутъ отъ монархіи, но она не избѣгнетъ борьбы, въ которой достоинство монархіи потеряетъ много своего значенія и выведетъ наружу недостатки, скрывающіеся теперь въ сѣтяхъ централизаціи, вызоветъ начало національности, связанной теперь поощреніями сосредоточенія.

Какъ ни опасно нынѣ изданіе серьезныхъ статей, я вовсе не раскаиваюсь въ напечатаніи моихъ статей о Прусскихъ законахъ и Германскихъ уложеніяхъ. Они писаны въ Маѣ—Іюлѣ 1847 г., и я почти радъ, что успѣлъ высказать мои мнѣнія до начала, даже до предвѣщаній, тѣхъ событій, которыя начинаютъ новую исторію. Прочтутъ ли ихъ наши правители или нѣтъ, но я сказалъ. Другіе скажутъ лучше.

Очень беспокоитъ меня мать. Послѣднія письма ея, исполненные ропота, требуютъ объясненій. Какъ бы успокоить мою старушку? Не въ правѣ-ли она обвинять меня въ недостаткѣ любви и дѣйствительно не виновать-ли я въ этомъ?

Старикъ Протасевъ скончался. Упокой Господи душу его и сотвори ему вѣчную память! Еще одно имя въ дневныхъ поминаньяхъ моихъ родныхъ и благодѣтелей.

Протасевъ, какъ я знаю отъ него, былъ искреннимъ знакомымъ моего отца, въ 1800 годахъ, и на этомъ основаніи, по семейному преданію, я отыскалъ его въ Москвѣ въ 1828, когда поступилъ въ Московскій университетъ, и принять былъ, какъ въ свое семейство.

Сожительство наше продолжалось до 1835, возобновилось въ 1837, знакомство наше продолжалось до 1848 г. И такъ 20 лѣтъ взаимной дружбы, искренней дружбы, любви, споровъ и обязанностей. Я зналъ этого человѣка лучше нежели кто другой. Онъ такъ много сдѣлалъ для меня, хотя и не возродилъ того глубокаго чувства любви, которое я желалъ бы имѣть къ нему. Это былъ человѣкъ прошлаго столѣтія, самостоятельный, твердый, либераль противъ высшихъ, деспотъ противъ низшихъ, презирающій мелочи почестей и чувствительный, если онѣ ему оказываются, человѣкъ убѣжденій сильныхъ, разсужденій точныхъ. Нынѣ немного такихъ твердыхъ характеровъ и съ такими определенными правилами. На поприщѣ наукъ онъ былъ бы строгій мыслитель, въ службѣ онъ былъ бы положительный учредитель, въ обществѣ онъ не могъ быть ничѣмъ: раздраженіе отъ столкновенія мнѣній заставляло и его и другихъ уклоняться, и такъ какъ онъ чуждъ былъ наукѣ и оставилъ подчиненность службѣ, онъ ударился въ нажитки и съ этими цѣлями, постоянно и не торопясь, посвятилъ себя семейной жизни. Богъ далъ ему прекрасную жену и родню, въ которой онъ былъ оракуломъ расчетовъ. Думаю я, что въ прежніе годы, 1832—1840, ближе меня къ его сердцу никого не было. Онъ любилъ меня и даже иногда подчинялся мнѣ, несмотря на разность нашихъ мнѣній, обнаружившуюся въ 1831 году. Я любилъ его сильно. Но разность мнѣній неволью начинала отдалять насъ. Когда въ 1840 г. онъ нашелъ жениха своей дочери, мы разошлись еще болѣе. Съ того времени мы уже отчуждались, и было сближеніе съ его стороны, но не съ моей. Его ошибка сдѣлала его менѣе откровеннымъ. Или, можетъ быть, я сталъ хуже.

Дѣти его Василій, Петръ и Евгеній начали со мною грамоту. Я опредѣлилъ ихъ въ заведеніе, я способствовалъ поступленію ихъ на службу. Они и дочь Анна были его надеждою, его лучшими цѣлями. Онъ ничѣмъ не наслаждался и чѣмъ болѣе жилъ, тѣмъ болѣе терпѣлъ и страдалъ. Тѣсная система эгоизма его сгубила, исключительное направленіе по положительнымъ слѣдамъ сдѣлало изъ жизни его трудъ, работу, а потомъ, въ старости, лишило его тѣхъ прекрасныхъ наслажденій, которыя даютъ высокое чувство и высокая мысль. Бракъ дочери не удался, сынъ Петръ умеръ 21 года какою-то неестественною смертію, женитьба Василя была источникомъ горестей и непрерывныхъ раздраженій. Евгеній, по свойству своему, не могъ доставить ему утѣшенія, хотя до самой смерти остался лучшею его надеждою. Если вѣрить Василю, послѣднее время старика было отравляемо сценами, опасеніями и самымъ явнымъ разочарованіемъ. Умирая, онъ могъ сказать дѣтямъ: оставляю вамъ хорошее состояніе. И только.

Неприлично мнѣ, обязанному, произносить строгій судъ о умершемъ; но, произнося его въ послѣдній разъ, я творю молитву о упокоеніи души усопшаго и пишу эти строки какъ бы въ покаяніе передъ Судією Высшимъ за умершаго грѣшника, да будетъ Всевѣдѣщій къ нему милостивъ и изливъ гнѣвъ на его лице, да упрочить состояніе и счастье дѣтей его.

*

Я разсматривалъ дѣло о бывшемъ Тамбовскомъ губернаторѣ Корниловѣ. Какихъ вопросовъ не сдѣлаешь при внимательномъ изученіи подобныхъ дѣлъ, этой мертвой, но вопіющей массы фактовъ о губерніи, пространство которой равняется царству?

Во первыхъ, о ревизіи. Она началась по поводу порубокъ. Если бы не пострадали лѣса, страданія народонаселенія остались бы безгласны. И кто ревизовалъ, по какой инструкціи, съ какими способами? Ревизіи случайны, сенаторы недостаточны, инструкція неудовлетворительна, способы малы и рѣдко исправны.

Во вторыхъ, о мѣрахъ ревизіи. Онѣ несвоевременны и такъ не дѣйствительны, что въ 1846 (послѣ 1843—1844) я нашелъ судную часть въ губерніи въ совершенномъ разстройствѣ.

Въ третьихъ, о послѣдствіяхъ. Ищи виновныхъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. 44 человекъ преданы суду, три губернатора подвергнуты отвѣту. Но посмотрите на дальнѣйшій ходъ: подсудность раздробилась, отвѣтчики оправдываются:

То неполнотою законовъ, которые дѣйствительно неполны. Письма тьма, все тонетъ въ формахъ и обрядахъ, уловить неблагонамѣренность, изворачивающуюся безчисленными предлогами, нѣтъ никакой возможности.

То отвѣтственностію централизаціи, которая все забрала къ себѣ, ничего не дѣлая, или хочеть дѣлать да не можетъ. Централизація есть наша гибель.

То неправильностію донесеній сенатора, который въ самомъ дѣлѣ коротенекъ, опрометчивъ и голословенъ.

Я бы желалъ, чтобы, читая мою бумагу, министръ подумалъ объ этомъ.

При разсмотрѣніи ея въ департаментѣ возникло важное затрудненіе, потребовавшее моего вызова; прежде или послѣ фразы слѣдуетъ поставить „24 Сентября“.

Я читалъ сегодня отчетъ Дома трудящихся Демидова. Это просто богадѣльня съ женскою школою, а вовсе не то что я думалъ, вовсе не домъ, въ которомъ ненаходящій работы можетъ имѣть работу. А между тѣмъ подобное заведеніе было бы существенно полезно.

При развитіи требованій въ наше время централизація привела къ соперничеству, которое дало капиталу власть почти монополіи, привилегіи. Для уравновѣсія выгодъ капитала и труда, въ видахъ улучшенія быта неимущаго, трудящагося сословія, государство, какъ представитель выгоды всѣхъ и особенно большинства, должно оказать здѣсь безмездное свое содѣйствіе. Содѣйствіе это могло бы быть оказано тремя путями: учрежденіемъ въ обширномъ размѣрѣ работъ отъ правительства съ назначеніемъ урочнаго положенія и *minimum* заработка для всякаго кто пожелаетъ. Это уравнило бы цѣну частнаго найма.

Назначеніемъ обработки, во всѣхъ губерніяхъ, свободныхъ земель, чтобы возвысить трудъ земледѣлія и поощрить полезный классъ поселянъ. Это назначеніе выгодно бы было съ явнымъ убыткомъ для казны. Ибо нѣтъ богатствъ прочнѣе земледѣлія для государства.

Устройствомъ ремесленныхъ школъ, дабы облегчить участь такъ называемыхъ учениковъ (молодыхъ рабовъ) предоставленіемъ имъ возможности учиться ремесламъ не у Нѣмецкаго хозяина, который нерѣдко хуже всякаго барина, а у наставника отъ правительства. Тогда мальчикъ не будетъ рабомъ, а вступитъ прямо работникомъ на извѣстныхъ условіяхъ.

Невѣжество, неимущество—вотъ настоящее рабство. Государство обязано стремиться къ его уничтоженію.

Теперь во Франціи безпечность въ этомъ дѣлѣ привела государство къ крайностямъ и такъ какъ прежде не хотѣли сдѣлать немногого, нынѣ раздраженіе требуетъ уже слишкомъ многого. Да не вотще будутъ для насъ уроки исторіи!

Сегодня день ангела Александры. Чѣмъ бы потѣшить ее? Хотѣлось бы мнѣ вдохнуть ей увѣренность въ мою любовь, постоянство въ расположеніи, твердость въ понятіяхъ. Всего болѣе хотѣлось бы мнѣ дать ей здоровья и потомъ начать ту строгую, самостоятельную жизнь, которая не удручается лишеніями, независима отъ требованій и полна собственными силами для достиженія прямыхъ цѣлей.

Еще шагъ, еще успѣхъ, и мы станемъ твердою ногою и, оживя все вокругъ насъ, улучшимъ состояніе и наше и нашихъ и зависящихъ и окружающихъ насъ. Я болѣе и болѣе схожусь съ мыслию, что уменьшеніе требованій увеличиваетъ благосостояніе и что лишеніе ничтожно, если цѣль возвышенна.

Мало обращаемъ мы вниманія на силу времени: это существенная стихія жизни, какъ мѣра развитія и условіе прочнаго достиженія.

Видѣлся я съ старухою С. И. Штеричъ и гр. А. Н. Панинымъ. Замѣчательны для меня одинаковыя ихъ восклицанія о современныхъ

событіяхъ: но вѣдь это не можетъ продолжиться, не правда ли что это должно переѣниться? Одна пріѣхала изъ Берлина, другой—изъ Москвы.

Я читаль „Фонъ-Визина“ кн. П. А. Вяземскаго. Сочиненіе замѣчательное по предмету, относящемуся къ знаменитому вѣку, въ которомъ окончательно выразился періодъ личнаго государственнаго развитія, и по сочинителю, на которомъ уцѣлѣли едва ли не послѣдніе слѣды прежняго умнаго общества, сглаживаемаго всеобъемлющимъ вліяніемъ Запада. Сочиненіе замѣчательно и по содержанію многихъ документовъ, писемъ и современныхъ свѣдѣній. Фонъ-Визинъ род. въ 1744, ум. въ 1792 г., служилъ при гр. Ник. Ив. Панинѣ, написалъ двѣ комедіи: Бригадира и Недоросля, Посланіе къ слугамъ, рѣчь по случаю выздоровленія Наслѣдника, письма изъ заграницы, о словарѣ, переводы, замѣтки и проч. Онъ погнался за двумя зайцами и менѣе поймалъ, нежели успѣлъ бы, ограничась однимъ. Ума замѣчательнаго, съ наблюдательностію острою и съ исключительною способностію высмотрѣть все комическое, Фонъ-Визинъ былъ бы отличный писатель комическій, но онъ захотѣлъ быть сановникомъ и при этомъ, отъ бездѣлья или въ видѣ средства фавѣра, сочинителемъ. Двойственность разбила его. Сановникомъ онъ не сдѣлался, остался домашнимъ человѣкомъ Паниныхъ, изъ высокаго званія писателя онъ взялъ себѣ сатиру въ разговорахъ, комедію съ цѣлію, поучительную, государственную или полицейскую. Но при всемъ томъ это поприще прославило его гораздо болѣе нежели политическое. Какъ чиновникъ, Фонъ-Визинъ былъ дѣятель посредственный, ничтожный. Переводчикъ, потомъ секретарь при министрѣ Панинѣ „общемъ милостивцѣ“ своихъ подчиненныхъ, Ф. Визинъ занимался комиссіями частными и особенно перепискою и сообщеніемъ бумагъ и новостей брату министра гр. Петру И. Панину, жившему въ подмосковной. хлопоталъ по дѣламъ посланниковъ нашихъ, продавалъ домъ Зиновьева, не покровительствовалъ своимъ братьямъ и вообще извлекалъ изъ своего положенія свои и своихъ пріятелей выгоды. Въ письмахъ его нѣтъ ни одной обширной мысли, ни одного плана, ни даже возвышенности въ общемъ смыслѣ этого слова. Тѣснота взгляда и зависимость въ самомъ выраженіи, ниже своего вѣка, меньше современниковъ! Преимущественно ожидая всего отъ службы, онъ и знаменитыя комедіи свои написалъ въ видахъ правительства или, лучше, въ видахъ великой Императрицы. Подъ этимъ вліяніемъ порицалъ онъ и чужіе края, гдѣ всякое столкновеніе съ умными людьми должно было обличать отсталость его въ наукахъ и мысляхъ. Развиваясь и дѣйствуя свободно, Ф. Визинъ могъ бы быть писателемъ высокихъ достоинствъ. Подобострастіе уничтожило санов-

ника, чиновникъ умалилъ литератора, сочинитель стѣснилъ зиждущій геній.

Что сказать о трудѣ кн. Вяземскаго? Онъ любопытенъ, очень полезенъ, даже очень полезенъ; но любопытенъ и полезенъ онъ потому, что мы бѣдны исторіей. Десять лѣтъ и, при новыхъ обнаруженіяхъ и изученіяхъ, книга испарится, исчезнетъ. Она написана болѣе нежели неудовлетворительно: недостойно и недобросовѣстно. Начавъ мелкую статью въ 1825 годахъ для предисловія, кн. Вяземскій пополнилъ ее потомъ случайно, принялся снова и снова оставилъ. Въ 1835 г. онъ кое-какъ слѣпилъ цѣлое, подумалъ и оставилъ. Съ того времени начала такъ называемая натуральная школа господствовать, и біографъ еще разъ остановился. Нельзя быть равнодушну къ ничтожеству современной нашей литературы, барышничество которой также отвратительно, какъ скаредность и цинизмъ въ юношѣ. Потерявъ терпѣніе, кн. Вяземскій пересмотрѣлъ свою книгу, перелилъ въ нее свое неравнодушіе, пополнилъ выходками и намеками и эту связку журнальныхъ статей издалъ въ видѣ довольно толстаго тома. Драгоцѣнны въ книгѣ приложенія, драгоцѣнно умное и ясное изложеніе, нѣкоторыя частныя замѣтки и остроты, но изученія Ф. Визина и его времени тутъ нѣтъ; отступленія, смѣшенія предметовъ, зарпортованій—множество. Жаль. Кн. Вяземскій свѣтскій человѣкъ, отлично умный; полгода уединенія и изученія, и мы могли бы имѣть прекрасную книгу. Но надобно благодарить и за это, благодарить въ особенности за откровенность, съ которою сочинитель рѣшился поговорить о современности. Многіе прочтутъ книгу, многимъ она будетъ любопытна, но немногіе будутъ ею довольны.

*

Какое любопытное зрѣлище открывается во Франкфуртѣ и Парижѣ! Благо тебѣ, Россія, поучатся опытами другихъ и постепенно и нечувствительно выработывать учрежденія, которыя бы ограждали развитіе безъ жертвъ и потрясеній. Молю Бога, чтобы у насъ утвердилось вѣрованіе въ развитіе, и утвердилось при нынѣшнемъ Государствѣ, способномъ дать ему неспѣшный ходъ и вѣрное огражденіе.

Сенаторы Пещуровъ и графъ Завадовскій говорили со мною о ходячемъ предположеніи, о назначеніи меня на мѣсто гр. Толстаго въ 1-е отдѣл. 5 департ. Это слухъ, которому я не вѣрю. Гр. Панинъ иначе понимаетъ вещи, не измѣняетъ разъ принятаго имъ намѣренія и не назначитъ меня именно и даже потому, что все это считаютъ должнымъ или возможнымъ. Еще не время. Я боюсь, чтобы онъ не разсердился на меня.

Въ виду великихъ событій на Западѣ у насъ не сдѣлано явныхъ распоряженій никакихъ, ни временныхъ, ни постоянныхъ, а тайно замѣчается большая дѣятельность. Переменная генералъ-губернаторовъ кн. Щербатова и Головина давно признавалась необходимою. Только не совсѣмъ одобряютъ выборъ гр. Закревскаго, порядочнаго фронтовика, которому была и, говорятъ, будетъ гибельна холера, и кн. Суворова, перемѣщеннаго изъ Польской Костромы въ новоправославную Лифляндію. Говорятъ, разбирая смуты, популярный начальникъ выразился довольно громко о „сасгѣ Православіи“. Перемѣщеніе губернаторовъ въ Западныхъ областяхъ, движеніе войскъ къ границѣ и непомѣрная строгость въ Польшѣ, гдѣ число солдатъ доходитъ до 300 т.: встрѣча, если она должна быть приготовлена. Все это для Польши. Для Польши мы приносимъ всѣ униженія отъ Нѣмцевъ и особенно отъ Прусаковъ; для сосредоточенія и утвержденія силъ мы не помогаемъ Даніи, хотя рѣчь идетъ о наслѣдственномъ герцогствѣ. По этой же причинѣ мы болѣе нежели осторожны въ княжествахъ Дунайскихъ. Кромѣ Польши второй предметъ заботъ—литература. Она стѣсняется и, по моему мнѣнію, весьма неосновательно. Полезно оградить общество отъ вліянія западныхъ вторженій и увеличить таксу и усилить цензуру книгъ и журналовъ; но мало послѣдовательности въ стѣсненіяхъ Русской литературы. Ее ограничиваютъ не только въ духѣ и въ ученіяхъ, но даже въ формѣ. Эти непослѣдовательныя и осязательныя стѣсненія, послѣ прежняго возбужденія требованій, пробуждаютъ невыгодныя чувства и готовятъ незапныя послѣдствія.

Я слишкомъ удаленъ отъ общихъ правительственныхъ предначертаній, и потому не знаю, получатъ-ли онѣ какія нибудь измѣненія; но я не знаю ни одного, *ни одного* человѣка, который бы отзывался выгодно и благосклонно о современномъ у насъ порядкѣ вещей. Отзывы эти такъ общи и такъ иногда гласны, что—говоря языкомъ Запада—успѣхъ на этомъ отрицательномъ пути у насъ замѣчательнѣе. Ропотъ, охуленіе—на дневной очереди. Это жаль, больно. Люди, предположенные властію, принимаютъ тяжкую отвѣтственность, если не за то, что не дѣлаютъ лучшаго, то за то, что оставляютъ все въ такомъ дурномъ положеніи. Оно дѣйствительно дурно, особенно по части полицейской, судебной и народнаго хозяйства.

*

Какъ ничтожны доводы Лямартина о пользѣ невмѣшательства! Это софистъ-краснобай. Нѣтъ ни послѣдовательности, ни достоинства и не смотря на громословіе и общія фразы въ видѣ общихъ истинъ,—нѣтъ твердости и возвышенности въ самыхъ основаніяхъ и началахъ. Мы ждемъ! Да чего вы ждете? Чтобы люди перерѣзались? Или вы

признаете начало—тогда дѣйствуйте и не унижайте себя опасеніями, выжиданіями, но отвѣчайте сперва на вопросъ: по какому праву вы признаете начало? Или вы, не дѣйствуя, не признаете начала—тогда выразите мнѣніе ваше ясно и отвѣчайте: зачѣмъ же вы нравственно поддерживаете возстанія и питаете рѣзню и зачѣмъ собираете резервные и наблюдательные батальоны?

Неопытность палаты Парижской и Франкфуртской такъ смѣшна, что возбуждаетъ даже досаду и жалость. Ни рѣшительности, ни умѣнья, ни характера. Даже Берлинскій сеймъ представляется болѣе выдержаннымъ и съ болѣшимъ достоинствомъ. Не по силамъ возбуждены вопросы и питаніе преждевременно снятымъ плодомъ производить болѣзнь. Грустно смотрѣть на эти представленія. Это какая-то игра.

*

Липранди рассказывалъ и читалъ мнѣ дѣла: о купцѣ Тарасовѣ, обманувшемъ подрядчиковъ А. Вердеревскаго и кн. Оболенскаго, и о купцѣ Мясниковѣ, обманутомъ разными лицами. Уши вянутъ отъ необыкновенной дерзости, съ которою мошенники овладѣли нагло значительными суммами. Нельзя не быть снисходительну къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя принялъ Л. А. Перовскій, выведшій эти дѣла изъ общаго порядка. Судъ продолжилъ бы только обманы, и формы его прикрыли бы виновныхъ.

*

Мнѣ читали содержаніе письма Юрія Самарина изъ Риги о дѣйствіяхъ генераль-губернатора кн. Суворова въ Остзейскомъ краѣ. Я видѣлъ край этотъ на мѣстѣ и хотя привержень къ историческому праву, но находилъ, что смѣшеніе устарѣвшихъ учрежденій съ новыми представляетъ явленіе довольно пестрое, чтобы не сказать смѣшное и бессмысленное. Внесенное чужестранцами историческое право здѣсь менѣе нежели гдѣ имѣетъ прочное и разумное основаніе. Пришельцы овладѣли землею, ввели христіанство, самоуправное законодательство, Римское право, Нѣмецкій языкъ и наконецъ Лютерово ученіе. Екатерина II, лѣтя Русскому, ввела общія учрежденія; Павелъ I, протидѣйствуя матери, возстановилъ мѣстныя: затѣмъ въ Петербургѣ усилилась партія Нѣмецкая. Нынѣ хотѣли обрусить этотъ край и приступили къ этому двумя путями: введеніемъ Русскаго языка въ предметы школьнаго ученія (мѣра совершенно законная и полезная: къ сожалѣнію, введеніе ея было нѣсколько поспѣшно и назойливо въ соединеніи съ довольно произвольными распоряженіями). Второй путь—введеніе Православія. По моему мнѣнію эта мѣра во всѣхъ отношеніяхъ несоответственна и общааетъ плоды вредные. Кн. Суворовъ, повидимому, думаетъ снискать народность и идетъ нѣсколько на переکورъ или по

мелочному самолюбію или полагая приноровиться къ настоящимъ временамъ. Онъ, говорятъ, сказалъ исправнику, говорившему съ нимъ по-русски: почему вы не говорите по-нѣмецки? Онъ сказалъ састѣ Православіе, онъ посѣтилъ пасторовъ прежде архіерея, онъ съ нетерпимостію обошелся съ раскольниками, побранился съ Нѣмецкими товарищами, пренебрегаетъ Русскими чиновниками и проч. и проч. Не знаю, правда-ли это; но если правда, то хороша послѣдовательность и достоинство правительства! Говорятъ, князь Суворовъ вызывается сюда.

*

Я еще разъ прочелъ старую книгу—*Système de législation, d'administration et de la politique de la Russie par un homme d'état russe. Paris 1844.* Книга весьма хорошо, добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла написанная. Я помню, что сочиненіе ея приписывали то Тургеневу Николаю, то покойному кн. Козловскому, то Соболевскому. Она писана человѣкомъ дѣловымъ и, можетъ быть, кн. Друцкимъ-Любецкимъ. Взглядъ на предметы точенъ, но тѣсентъ. Многія преобразованія недалновидны, многія замѣчанія ошибочны, многія предсказанія обманчивы. Лучшее замѣчаніе—это о необходимости улучшеній управленія, безъ которыхъ улучшеніе личнаго состава не поможетъ дѣлу. Изъ частныхъ замѣчаній основательно о кредитныхъ учрежденіяхъ, которыя, по неправильной оцѣнкѣ имуществъ, исключительностію своею препятствуютъ развитію частнаго кредита. Всего менѣе удовлетворительны разсужденія о военныхъ учрежденіяхъ. Сочинитель очевидно не изъ военныхъ, и въ немъ замѣтны какія-то личности къ министрамъ юстиціи и финансовъ.

*

Все это время я былъ занятъ комиссіей о самозванствѣ Варшавскаго помѣщика коллежскаго секретаря Павла Петрова Попова. Пустѣйшее дѣло, если мы не обмануты.

Вотъ какъ я объ немъ думаю по разсмотрѣннн обширнаго его производства. Сынъ мелкаго чиновника, Поповъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ и свелъ знакомство съ домомъ богатаго помѣщика Черепова и особенно съ женою его, Катериною Владимировною, рожд. княжною Щербатовою, родственницею кн. Ал. Ник. Голицына. Будучи въ связи съ нею, онъ помогъ ей, чрезъ крѣпостнаго Аверьяна Богданова, обокрасть мужа и скрывать бѣглеца Богданова отъ преслѣдованій; въ 1825 г. по смерти Черепова онъ женился на вдовѣ его и имѣлъ въ это время отъ нея дѣтей, трехъ дочерей: Александру, Елену и Катерину. Въ 1827 г. ходатайствомъ и происками онъ получилъ орденъ Владимира 4 ст. за спасеніе отъ пожара, началъ дворянствовать и сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

Но вся жизнь этого челоѣка состояла изъ подлости. Служа въ министр. юстиціи, онъ подписался подъ руку министра Тропинскаго, при полученіи креста онъ назвался „изъ дворянъ“. Не имѣя права давать Богданову паспорты, въ 1845 г. сдѣлалъ подлогъ по откупнымъ залогамъ Грека, въ 1846 ѣздилъ по подложной подорожной. Ростовщикъ и пройдоха, вся жизнь его составлена изъ искательствъ, хлопотъ, низкой лести и изворотовъ. Сокрытіе преступленій Богданова былъ первый шагъ, добытіе законности дочерямъ—главная цѣль. Зависть и привлеченіе лихоимства сдѣлали остальное.

Поразительно въ дѣлѣ то, что оно началось въ Декабрѣ 1829 г., и къ началу и продолженію нѣтъ ни малѣйшаго основательнаго повода. По случаю драки въ питейномъ домѣ крестьяне помѣщика Марина съ винопродавцемъ Богдановымъ первые, въ объявленіи своемъ, упомянули, что Богдановъ будто бы называлъ Попова арестантомъ Звѣревымъ, бѣжавшимъ изъ острога. Богдановъ отъ этого отрекся, объясняя, что это говорилъ Маринъ. Началось дѣло, шло медленно и не кончалось, я думаю, для того, чтобы защищать прочія дѣла Попова, которыхъ у него множество.

Суворовъ, временно управляя въ Костромѣ, испросилъ (какъ настаивалъ Поповъ) перевести дѣло въ Петербургъ. Государь приказалъ назначить комиссію, членами которой я и полковникъ Петръ Иван. Назимовъ, а предсѣдателемъ Иванъ Петр. Липранди. Комиссія съ самаго начала сдѣлала обыскъ въ домѣ, захватила переписку (сплетни и хлопоты, весьма невыгодныя для чиновъ 3-го Отдѣленія, Дубельта и особенно Александра Небольсина). Дѣйствія комиссіи были нерѣшительны и слабы. Я не хотѣлъ противорѣчить, чтобы не прослыть за безпокойнаго. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, Комиссія посадила Попова въ секретную Ордонансъ-Гауза и вошла въ сношенія о дочеряхъ.

Съ перваго взгляда я принялъ дѣло за ничтожное и вымогательное.

Комиссія просила министра объ освобожденіи Попова. Онъ отказалъ. Комиссія начинала подробныя объясненія, министръ потребовалъ дѣло къ себѣ. Я бы желалъ оставить эту комиссію.

*

Въ Европѣ все еще никакого порядка. Повсюду безначаліе въ полномъ смыслѣ слова; нѣтъ ни началъ, ни начальствъ. Особенно грубо и безстыдно это безначаліе въ Австріи. Съ непривычки несчастные перепились и смѣшиваютъ свободу съ безчинствомъ. Все стремятся достигнуть вольностей, а достигнувъ и не удовлетворясь, спрашиваютъ себя: „да изъ чего же я столько трудился и бѣсновался?“ Такъ-то справедливо, что свобода есть добросовѣстность; вошедшая въ привычку.

Во Франціи безхарактерность дошла до смѣшного. Во главѣ всѣхъ собраніе, которое не узнаеть само себя, боится толпы, требующей денегъ безъ труда или труда по выбору; потомъ—исполнительная коммисія, которая, за собраніемъ и министрами, не знаетъ что дѣлать и уже на первыхъ порахъ стѣснена коллегіальными обрядами; наконецъ—министры или *soit disant tels*, которые, въ средѣ переломанныхъ начальъ, ходятъ оцупью и пользуясь крайнимъ положеніемъ предлагаютъ на удачу законы, крича: *urgence!* Не можетъ быть, чтобы такое смѣшеніе, такое гражданское развращеніе было временное, преходящее состояніе; нѣтъ: оно предшествуетъ новому порядку, и этотъ порядокъ долженъ родиться.

Гр. Панинъ совершенно сбиваетъ меня съ толку: не могу понять его, не могу согласить самыхъ робкихъ моихъ ожиданій съ его дѣйствіями и думаю, что я ничего не дожусь или я несправедливъ въ моихъ ожиданіяхъ. Я колеблюсь въ этомъ, хотя первое—безнадежность—признается всѣми и такъ открыто, что кромѣ себя, я не знаю ни одного человѣка, который бы съ нѣкоторою терпимостію отозвался о графѣ Панинѣ и не прибавилъ, въ видѣ выраженія общаго мнѣнія, что онъ дѣйствуетъ по своему смыслу и въ пристрастныхъ видахъ богатыхъ владѣльцевъ, къ очевидной невыгодѣ общества. Ни одного. Я обдумываю, какъ бы мнѣ оставить судебное вѣдомство безъ ссоры и безъ оскорбленія.

Орель весь выгорѣлъ, пожары во Владимирѣ, въ Ярославлѣ и въ 8 другихъ городахъ. Нельзя не предполагать здѣсь злоумышленія, и подобное бѣдствіе, при развитіи эпидеміи, требуетъ всевозможныхъ мѣръ предупрежденія. Неужели опять въ отвѣтъ Жиды и Поляки? Все это случилось въ то самое время, какъ во всѣхъ газетахъ напечатано, что по волѣ Государя, около 150 т. челов. призвано изъ за сохи къ оружію... Изъ сего громаднаго числа... изъ всей этой вновь созданной арміи, со времени ея призыва, отлучился только одинъ человѣкъ, и не было ни одного происшествія, требовавшаго взысканій... А между тѣмъ говорятъ, что поджоги сдѣланы безсрочноотпускными и уволенными чиновниками! Нельзя понять, какъ достааетъ духу такъ нагло льстить, тогда какъ изъ всякаго уголовного дѣла о поджогахъ и возмущеніяхъ выглядываетъ безсрочный, и всѣ помѣщики жалуются на ихъ безпокойное пребываніе. Богъ судья нашимъ обманщикамъ.

А между тѣмъ въ Петербургѣ обнаружилась холера и увеличила толпы и слухи. Все старая пѣсня: Поляки отравляютъ, народъ морятъ.

Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ, и къ Нему обращаемъ съ молитвою о милости. Въ жизни или смерти я всегда признаю Его святую волю и приношу покаяніе въ вольныхъ и невольныхъ моихъ прегрѣшеніяхъ.

*

Прусскій генераль Поуль пріѣхалъ къ намъ—или съ просьбою о защищеніи престола (сомнѣваюсь), или съ предположеніями Араго въ Берлинѣ о возстановленіи Польши (это скорѣе), но предложеніе рановременное и едвали обдуманное.

Нашимъ Москвичамъ, Славянофиламъ, вообще мечтателямъ, какъ кн. Одоевскій, кажется, что Россія—свой собственный міръ, которому принадлежатъ будущность, могущество и слава, какихъ никто не имѣлъ. Но на чемъ же это основано? Будущность конечно принадлежитъ намъ, ибо мы вступаемъ на гражданскую чреду. Но на чемъ утверждается наша особенность? Надобно отказаться отъ человѣческаго достоинства, чтобы предположить какое-то Русское достоинство. И чѣмъ мы разнимся отъ Европы въ стихіяхъ жизни: языкъ, вѣра, семейство, собственность, власть—у насъ совершенно Европейскія. Намъ недостаетъ развитія, но оно придетъ. Мы Европейцы со всеми ихъ пороками и добродѣтелями, и только цензурный уставъ заставляетъ говорить и писать иначе. Ужъ нашимъ мечтателямъ лучше бы было обратиться къ Магометанамъ, у которыхъ коммунизмъ нетолько въ догматахъ, но и въ учрежденіяхъ. Это было бы по крайней мѣрѣ ново.

*

Сегодня, по случаю назначенія меня къ исправл. д. об.-прок., вице-директоръ, по порученію министра, объяснялся со мною о двухъ предметахъ: во первыхъ, о томъ, что въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ моихъ замѣчается „не то чтобы либерализмъ, а что-то либеральное“. Мнѣ кажется это обвиненіе немного либерально. Можно упрекнуть меня за свободу, за вольность выраженій; но этотъ недостатокъ вызывался подобострастіемъ другихъ, вреднымъ достоинству власти и дѣлу. Во вторыхъ—о томъ, что я строгъ съ подчиненными. На это я могу дать одинъ отвѣтъ: съ 1840 г. я не вытѣснилъ ни одного чиновника, ни одного не обошелъ въ моихъ представленіяхъ и ни съ однимъ не поссорился. Требователенъ я, это правда, можетъ быть даже строгъ, въ этомъ смыслѣ, но жестокъ, неучтивъ, золъ—никогда.

Управление 2 отд. 5 департ. ввѣряется мнѣ на время. Надобно исполнить порученіе добросовѣстно, хотя недостатокъ средствъ меня очень стѣсняетъ. Я радъ этому назначенію, какъ занятію. Авось оно продолжится и не прекратится.

Но объясненіе это не выходитъ у меня изъ головы. Оно заключаетъ какое-то косвенное, тайное обвиненіе, которое въ Россіи, и при томъ въ настоящее время, важнѣе всякаго преступленія, а потомъ—обвиненіе это дѣлается такимъ лицомъ, отъ котораго зависитъ моя участь и выше котораго только одинъ Государь. Я объ этомъ подумаю.

Мнѣ непременно надобно объясниться съ министромъ и разрѣшить мое недоумѣніе. Давно уже замѣчаю я перемѣну ко мнѣ гр. Панина. Теперь раздумье мое нѣсколько проясняется; но если раздумье получаетъ видъ убѣжденія въ основательности перемѣны, мой долгъ разсмотрѣть эти основанія и потребовать возвращенія прежнихъ правъ, если я доложу, что основанія не справедливы, или оставить министерство, если гр. Панинъ не захочетъ выслушать моихъ доказательствъ или, выслушавъ, не захочетъ воздать должнаго. Это касается не однихъ правъ чиновника, но общихъ правъ гражданина. Но не должно торопиться и быть пристрастну.

Надобно было вступить въ управленіе департаментомъ Сената, чтобы видѣть всю несообразность, все смѣшеніе, всю безтолочь сенатскаго производства, всю бессмысленную громаду переписки, запутанной отчетности, тысячи поводовъ къ безпечности дѣльцовъ, безсиліе оберъ-прокурора въ движеніи дѣлъ, раздѣльность отвѣтственности, уничтожающую всякую заботливость, безчисленные мелочныя обрядности, останавливающія разрѣшеніе всякой ничтожной бумажонки. Законный порядокъ доведенъ до того, что надобно нарушать его, чтобы былъ порядокъ.

Я вступилъ въ управленіе въ концѣ Іюня и нашелъ непрощенными опредѣленія за Январь 1848 и даже отъ прошлаго года. Опредѣленія за Мартъ даже не были составлены. Какъ это двинуть? Исправить, или, уже не исправляя, пропустить и исполнить, нѣтъ никакой возможности. Сенаторы разѣхались, жди ихъ возвращенія. Дѣла останавливаются, арестанты сидятъ. Попробуй чтонибудь исправить, перечитай, переписывай листы журналовъ и опредѣленій; а тамъ смотришь какойнибудь сенаторъ переведенъ, уволенъ, умеръ.

Какъ еще я изворачиваюсь деньгами, понять трудно. 5 Іюля у меня оставалось всего на всего 75 коп., которыя и отданы повару. Въ 2 часа я получилъ жалованье и опять отдохнулъ на нѣсколько сутокъ. Впрочемъ я всегда могу найтись въ деньгахъ. Другія требованія для меня необходимѣе. 7 Іюля 1848 г.

Надобно же однако, чтобы современныя событія нашли свое оправданіе, разгадку или по крайней мѣрѣ объясненіе въ чемъ-нибудь. Что значить Февральскій переворотъ, отдавшійся во всѣхъ концахъ Европы, что значать стачки 15 Мая въ Парижѣ, Неаполѣ, Вѣннѣ и Берлинѣ, что значить наконецъ Парижское побоище 26 Іюня и учрежденіе общей временной власти въ Германіи; что значить наконецъ этотъ восточный токъ, холера, идущій на встрѣчу западному току, перевороту? Мелокъ умъ человѣчскій, чтобы обнять и растолковать эти явленія, незнаю, безъ спросу обнаруживавшіяся отъ одной искры

и вскружившія наши слабыя головы, еще вчерась занятія ничтожными расчетами себялюбія.

И въ какое время разризились эти событія? Когда ни одного человѣка нѣтъ, который бы не только могъ, но рѣшился управлять ими. Было два человѣка, враждавшіе дѣлами: кн. Метгернихъ, представитель монархическаго начала (начало это, поддерживавшееся уваженіемъ и преданіемъ, потонуло въ подрывистыхъ ученіяхъ науки) и Гизо, представитель династическаго начала подъ руководствомъ Луи-Филиппа (начало это, поддерживавшееся 17 лѣтъ подкупомъ и обманами, исчезло въ смутныхъ кликахъ толпы).

Причину всего этого я ищу въ удаленіи отъ естественныхъ началъ въ общественныхъ учрежденіяхъ: церковь въ противорѣчій съ жизнью: святая проповѣдь сдѣлалась краснбайствомъ, святое ученіе пыталливымъ символомъ. Никто не исполняетъ Евангелія, и всякій пытается слова его, чтобы добиться своего толку. Законъ свѣтскій отсталъ отъ жизни, доведенной суетными поощреніями своекорыстія до непомернаго напряженія, и въ своекровной мечтѣ законодателей издумалъ управлять ся развитіемъ. Наука, оставя опыты сей зависимой жизни, ударилась въ среду возможнаго, смѣлаго и невоспретимаго; а искусство, отвратясь отъ этой мирной жизни, задумало искать привлеченія въ искаженіяхъ, лести и въ несбыточномъ. Вѣра—буква, законъ—форма, наука мечта, а искусство—сказка.

Какой продолжительности и дальнѣйшей жизни ко благу можно было ожидать отъ такого порядка? И онъ сокрушился. Крушеніе началось по поводу нищеты; нищета пришла съ злоупотребленіями, злоупотребленіе порождено ослабленіями ученій вѣры, недостаткомъ закона, противоположностію науки и развращеніемъ искусства. Все это приготовило то ужасное явленіе, котораго мы несчастные свидѣтели: вспыхнула искра, и все, бывшее подъ пепломъ, объято пламенемъ.

Во Франціи обрисовывается Кавеньякъ, въ Германіи эрць-герцогъ Іоаннъ. Я не думаю, чтобы они были способны овладѣть и учредить новый порядокъ, но думаю, что они могутъ замедлить напоръ и умалить тамъ безпорядокъ.

Зрѣлище ужасное, какъ пожаръ, но также увлекательное для отдаленнаго свидѣтеля, какъ великая картина пожара. Кавеньякъ будетъ стремиться оградить формы республики, эрць-герцогъ Іоаннъ -- оградить права королевскихъ домовъ. Оба они видятъ, что рѣчь идетъ о томъ, что толпа хочетъ лучшаго распредѣленія богатствъ и даже коммунизма; но ни тотъ ни другой не рѣшается взять этотъ путь, особенно послѣ несчастій, ознаменовавшихъ первые шаги новаго порядка.

Циркуляры гр. Нессельроде о Германскихъ дѣлахъ и о вступленіи войскъ въ Валахію очень похожи на защищеніе оподозрѣннаго: такъ много пустословія, такъ мало достоинства, такъ много какого-то нецарственнаго, не-Николаевскаго изумленія и почти страха. Кажется, эти Нѣмчики вовсе не вошли въ мысль Государя и пишутъ объявленія, какъ писали бы они, будучи министрами Липпе, Алтенбурга и подобныхъ. Это жаль; значеніе, которое выпадаетъ Россіи въ настоящее время высоко и доблестно, но для этого нужны самостоятельность и добрая воля къ общему благу. Въ Государѣ все это есть, но нѣтъ мѣры, которую бы не обезсилили министры. Вотъ я и съ ропотомъ демагога: такъ непріятно было мнѣ читать неловкія объясненія нашей внѣшней политики.

Князь Чернышевъ болѣнъ; говорятъ, съ нимъ былъ второй ударъ, пускали кровь. Заняты предположеніемъ о замѣщеніи, которое дѣйствительно затруднительно. Я полагаю, что всеобщій кандидатъ гр. Клейнмихель не будетъ назначенъ; назначеніе это было бы противъ общественнаго мнѣнія, которое очень неблагоприятно знаменитому строителю и которому нынѣ противорѣчатъ (если противорѣчатъ) менѣе. Мнѣніе это, неточное и неполное, есть часто выраженіе зависти. Есть что-то выше мнѣнія, это естественныя условія. Мнѣніе это очень возставало на Д. Г. Бибикова за взятки секретаря его, Писарева: Писаревъ перемѣщенъ въ губернаторы въ Олонецкъ. Какъ ни странно повидимому это удовлетвореніе, но оно есть, секретарь господствовалъ въ 4 губерніяхъ, наживая сотни тысячъ; Олонецкій губернаторъ—постъ довольно скромный и едва ли надолго заманчивый для избалованнаго временщика. Усидитъ-ли безъ Писарева Бибиковъ? Это было бы несогласно съ его характеромъ.

Комедія Февральскаго переворота болѣе и болѣе разоблачается. Кто его произвелъ, почему, за чѣмъ—никто не зналъ и сказать не могъ. Толпы въ Мартѣ и Маѣ ясно говорили зачѣмъ ихъ не слушали; они объявили войну, ихъ разсѣяли. Кто выигралъ въ переворотѣ? Никто; эта путаница должна же чѣмъ нибудь развязаться. Событія говорятъ, что переворотъ произведенъ бездомными работниками; они схватили десятокъ журналистовъ, провозгласили ихъ правителями и разграбили дворцы. Народные правители выразили цѣль переворота: независимость рабочихъ отъ гражданъ, труда отъ капитала—*garantie du travail*; выразя, они приступили къ исполненію: учрежденіе народныхъ мастерскихъ для рабочихъ, налогъ 45 с. для платы, отобрание дорогъ въ казну для занятій. Приступя къ исполненію, они возстановили противъ себя все общество, что нибудь имѣющее. Избранъ представитель гражданъ Тьеръ. Министерство нравственно разрушилось. Желая

согласить крайности, оно приступило къ ограниченію мастерскихъ, къ смягченію сбора 45 сантимовъ, къ сдѣлкамъ по отбору желѣзныхъ дорогъ. Это отложило отъ него многочисленный классъ рабочихъ. Они возстали. Кровь и разрушеніе. Миръ возстановленъ мечемъ. Когда все немного смолкло, Прудонъ внесъ предложеніе о налогѣ съ доходовъ. Толпа выразилась въ систематикъ, крамола взошла на каѳедру. Все собраніе возстало; Тьеръ написалъ опроверженіе. Назначенъ разборъ поединкомъ, рѣшительнымъ, окончательнымъ, который долженъ разбить и похоронить социализмъ, коммунизмъ, и т. п. Но что же значить вашъ переворотъ безъ социализма? спрашиваетъ Прудонъ съ простодушіемъ. Вы шутите, господа. Вы можете осмѣять, заболотировать, уничтожить меня, но не начало, которое дало вамъ жизнь и смыслъ и безъ котораго весь переворотъ есть вздоръ, комедія. Ужасны эти слова, но ужаснѣе то, что на нихъ ничего положительнаго не отвѣчали! Это горько до отчаянія. Тьеръ и новый министръ, Гудшо, ограничиваются полумѣрами, не оспариваютъ начало, но колеблются въ примѣненіи. Тьеръ искажилъ основанія и мысли!

Прудонъ говоритъ: чтò вы пугаетесь моего предложенія? Я вывожу его изъ вашихъ дѣйствій и изъ значенія событій, отдѣляющихъ насъ отъ вчерашняго, подъ вліяніемъ котораго вы находитесь. Вы обѣщали дать и оградить *право на работу*—вотъ задача. Вы этого не можете исполнить; я предлагаю: оградить работу увеличеніемъ потребленія, которое усилитъ требованіе пониженіемъ цѣнностей и будетъ всегда отвѣчать спросу. Увеличеніе потребленія (которое безконечно, особенно во Франціи) теперь невозможно, потому что обращеніе произведеній затруднено. Оно затруднено значеніемъ денегъ и скопомъ остатковъ, служащихъ основаніемъ собственности. Я предлагаю *кредитъ даромъ*. Кредитъ даромъ—вотъ обѣщанное вами право работы, труда. Съ этимъ кредитомъ трудъ выдержитъ соперничество съ капиталомъ, понизитъ цѣнности, на возвышеніи которыхъ скопъ остатковъ и, усиливъ потребленіе, разольетъ общее благосостояніе. Скопъ остатковъ замѣнится взаимнымъ обмѣномъ.

*

Въ какомъ я опять затрудненіи въ домашнихъ расходахъ! Буду начальствовать въ Сенатъ и беру у жены послѣдній двугривенный. Это хуже поденщины, а я, кажется, не могу сказать: *je ne fais rien, je suis travailleur aux ateliers nationaux*. Надобно же однако привести мнѣ въ порядокъ дѣла, сократить расходы, безъ увеличенія приходовъ и не привыкать къ поденной жизни, очень поощряющей безпечность и какое-то невниманіе къ достоинству. 4 Авг. 1848 г. Занялъ у Данзаса 600, а черезъ три дня братъ прислалъ 300 р. сбр., и нужда отлегла.

*

Графъ Панинъ приготовляетъ законъ о назначеніи предсѣдателей судебныхъ палатъ отъ правительства. Какъ всѣ предположенія его неблаговременны и неудачны! Подумаешь, что задалъ себѣ задачу сколько возможно ограничивать и стѣснять права и преимущества. Это какая-то зависть, слабость самолюбія государственной его милости. Мѣра эта бесполезна, но она уже существовала, ибо министерство, рѣдко утверждая выборы, назначало своихъ; она только раздражаетъ еще болѣе дворянское сословіе, и безъ того мало льнущее къ правительству. И въ этихъ-ли мѣрахъ нуждаемся мы? Служа восемь лѣтъ по уголовному правосудію, человѣкъ можетъ заболѣть и помѣшаться: такъ оно отвратительно дурно.

Или у меня или у другихъ, но голова кружится. И что всего безуспѣшнѣе, это то, что нѣтъ въ виду ни одного человѣка, который бы рѣшился и умѣлъ указать на истинныя нужды. Встрѣнутся потомъ, да уже поздно; бухнуть цѣлою книгою, цѣлыми уложеніями, и начнется путаница. Такъ-ли должно развиваться и усовершенствоваться историческое право? Какое мы беремъ направленіе?

*

Сегодня 31 Августа померъ отъ холеры Пав. Матв. Муравьевъ. Миръ его праху! Онъ ошибся въ расчетахъ женитьбы, ошибся въ женитьбѣ и въ послѣднее время потерялъ всякое достоинство самостоятельнаго человѣка, будучи разстроенъ по дѣламъ и по службѣ и не имѣя никакого удовольствія въ семействѣ. Человѣкъ добрый, христіанинъ искренній, онъ былъ услужливъ, искателенъ и сходячивъ. Послѣ него остаются, вдова Анна Андр. 24 л. и три дочери: Катерина 5, Лисавета 2½ и Надежда—по 2-му году. Болѣзнь его была почти безпомощна, смерть—почти уединенна. Послѣднія слова его были обращены къ Василью Никитину: „безсчастны мы съ тобою, Василій, прощай“.

Случай этотъ незапностію своею поразилъ меня, и я ѣздилъ на Волково, на могилу брата.

Сегодня же, 31 Авг., городъ иллюминированъ по случаю бракосочетанія Великаго Князя Константина. Молодой человѣкъ этотъ долженъ современемъ занять важное положеніе, къ которому призываютъ его и отличныя способности и ожиданія общественнаго мнѣнія, которое такъ для него выгодно.

Сегодня, 9 Сентября, въ ночь умеръ отъ холеры сенаторъ Михайловскій-Данилевскій. Это замѣчательный военный историкъ, не столько по вѣрности истинъ, преклонявшейся у него современнымъ любимцамъ, сколько по обилію и важности источниковъ, которые были открыты

ему и которые онъ могъ имѣть самъ по своему прежнему и настоящему положенію и по обширнымъ сношеніямъ. Къ сожалѣнію онъ имѣлъ двѣ слабости: вино и карты. Онъ отдалили его отъ вышаго поприща, а отдаленіе сдѣлало его падкимъ къ лести. Какъ сенаторъ, онъ совершенно незамѣчателенъ и въ Сенатѣ бывалъ весьма рѣдко, значась по другимъ занятіямъ. Разъ, въ 11 часовъ утра, онъ пріѣхалъ очень пьянъ. Съ нимъ сдѣлалось дурно, подали воды; онъ успокоился на креслахъ и уѣхалъ. Замѣчательно еще и то, что, при рѣдкихъ завѣщаніяхъ, онъ чрезвычайно строго судилъ оскорбителей родительской власти.

Говорятъ, очень больны Левашевъ и Клейнмихель. Мои старики острятъ „что за нихъ опасаться нечего; они безсмертны“. Странная вещь! Эти старики, полуразрушенные и всегда малоразумѣющіе, удивительно какъ любятъ позубоскалить надъ другими, особенно М. М. баронъ Таубе, который въ лицѣ своемъ, въ лишайной личности, есть явное осмѣяніе.

Я надѣюсь, что къ новому году составъ департамента измѣнится къ лучшему.

Безначаліе въ Австріи и Пруссіи, кажется, достигло крайнихъ предѣловъ, и непрерывные бунты обезсиливаютъ самыхъ отчаянныхъ возмутителей. Противодѣйствіе (отъ войскъ), потерявъ терпѣніе, осадить заносчивыхъ говоруновъ и установить насильственный порядокъ, хотя надобно сказать—разсуждающій Нѣмецъ, считая его *contradictio in adjecto*, мало къ тому способенъ. Надобно замѣтить и то, что Нѣмецъ менѣе другихъ способенъ и къ самоуправству. Онъ безнравственъ ибо не имѣетъ прочныхъ началъ ни въ вѣрѣ, ни въ власти, но безнравственъ добросовѣстно.

Какой теперь день новаго мірозданія? Или еще духъ созданія носится надъ стихіями?

*

Я разсматривалъ уголовное дѣло о смерти дѣвицы, дочери подполковника, Маріи Павлов. Пятницкой, въ селѣ Коревѣ (помѣщика Плат. Ангельгардта) Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Дѣло въ томъ, что бѣдная дѣвушка, 18 л., дочь дурной матери, явно оглашенной въ пьянствѣ и развратѣ, жила въ Коревѣ и при томъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ, холостымъ и довольно богатымъ. имѣя сперва и пребываніе въ его домѣ, а потомъ у бабки своей, жившей черезъ дорогу, подпоручицы Тимоховичевей. Сколько можно судить, это была дѣвушка безъ воспитанія, незастѣнчива, любила быть въ гостяхъ, любила страстные стишки и какъ оказалось по врачебному осмотру была нецѣломудренна и имѣла частое

сообщеніе съ мужчинами. Дядя ея показалъ, что она жила у него въ городѣ и вела себя неприлично. 18 Ноября 1841 г. Марія Пятницкая, въ день именинъ Энгельгардта, провела у него день и вечеръ съ двумя молодыми людьми, купцомъ Николаемъ и чиновникомъ Петромъ Сорокинымъ. Играли въ карты, ужинали и разошлись, а ночью, около 12 ч., М. П. найдена у угла дома, близъ кухни, съ смертельною раною, и по входѣ въ избу рассказала, будто бы, что выстрѣлила въ себя изъ пистоннаго ружья въ пунѣ *) и оттуда дошла до дома и изнемоги упала.

Вотъ начало дѣла, продолжающагося и теперь послѣ пяти изслѣдованій и представляющаго для разрѣшенія важныя затрудненія.

По первому изслѣдованію, начатому въ 4-й день, все показывало, что смерть произошла отъ самоубійства. Хотя Смоленская Палата возбудила нѣкоторыя сомнѣнія, но существо обстоятельствъ неизмѣнилось, и дѣло рѣшено такъ. Но въ 1843, по разнымъ сплетнямъ, мать убитой подала прошеніе губернатору, и дѣло приняло другой оборотъ. Когда оно дошло до меня изъ Сената, я думалъ видѣть въ немъ повтореніе Ширковскаго. Разъ дѣлу придали особенную важность, оно пошло ходить, и слѣдствіямъ не было конца. Мы назначили трехъ: Бѣляева, Орлова (Московск. товарища) и Міотійскаго (Калужск. прокурора). Мы забыли, что разъяренія одно (стремленіе было къ открытію виновнаго въ Энгельгардтѣ) мы множествомъ и повтореніемъ показаній замѣняли другое. Послѣднее слѣдствіе озлобило Пятницкую и наконецъ вызвало справедливый ропотъ Энгельгардта въ прошеніи Сенату.

Теперь, когда я рассматриваю дѣло по разногласію, въ качествѣ оберъ-прокурора, самый затруднительный вопросъ представляется въ томъ: убита или убила себя М. П? Я думаю, что она вовсе не была въ пунѣ. Пуня слишкомъ далеко отъ дома и ближе къ жилищу бабки, куда раненая скорѣе могла дойти. Трудно повѣрить, чтобы послѣ такого удара изнеможенная могла протащиться 180 шаговъ по новому слѣду, черезъ канаву и по дощечкѣ. Я думаю также, что она убита: ибо ударъ не могъ быть, кажется, нанесенъ самою, изъ пистоннаго ружья и безъ всякаго повода. Мнѣ подозрительны что-то Татьяна-ключница и Анна-служанка. Послѣдняя отлучалась именно въ то время, какъ совершилось событіе, а первая, какъ говоритъ бабка, съ вечеру была въ неудовольствіи и слишкомъ вертелась при застрѣленной.

Я полагаю дать предложеніе, чтобы снова истребовать заключеніе медицинскаго совѣта по свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣдними слѣдствіями. Министръ рѣшилъ, что она сама себя убила. Этого окончанія я уже никакъ не ожидалъ. Умолкнетъ-ли дѣло?

---

*) Пунею въ Смоленской губерніи называется чуланъ или сарай. П. Б.

Двухъ недѣль нѣтъ, какъ умеръ П. М. Муравьевъ, а нынѣ молодая вдова весь вечеръ, въ десятый разъ, болтала о новомъ замужествѣ, и выборъ падаетъ на встрѣчнаго поперечнаго, Иван. Павл. Василевскаго, котораго я такъ часто оуждалъ за дурное леченье, который, можетъ быть, весьма хорошій человѣкъ, но который вовсе не пара. Боже мой! Трупъ остыть не успѣлъ. Впрочемъ многое извинительно, и молодая женщина безъ опоры и съ шаткими правилами и дурнымъ мнѣніемъ въ скорости выигрываетъ.

Вотъ умеръ и директоръ, сенаторъ Ник. Порф. Дубенскій, когда-то громкій правитель государств. имуществъ, человѣкъ большаго ума. Онъ нажилъ большое состояніе особенно скупомъ жалованныхъ земель. Послѣдніе годы (1840—1848) были для него тяжки: оставленный, опроченный онъ едва освободился отъ суда по манифесту, и освобожденіе это хуже наказанія. Умеръ Розень, умеръ Левашевъ, умираетъ....

*

Какъ все еще играютъ обстоятельства на Западѣ: въ Баденѣ, послѣ Франфуртскаго возстанія, въ Голштиніи и Венгріи. Искренно-ли дѣйствуетъ Елагичъ и если да? искренно-ли помогаетъ ему Вѣна? И въ томъ и въ другомъ сомнѣваюсь. Сомнѣваюсь я въ Елагичѣ, потому что онъ много обязанъ Вѣнѣ и потому не можетъ быть совершенно преданъ народу, а народъ скорѣе можетъ получить выгоды отъ Венгріи нежели Австріи. Венгрію я считаю совершенно потерянною для Вѣны. Сомнѣваюсь я въ Вѣнѣ, потому что напоръ уже слишкомъ силенъ. перемѣна такъ незапна, что трудно вѣрить искренности. Вѣна смотритъ на Славянъ, какъ на орудіе; при такихъ цѣляхъ орудіе дѣлается обоюдоострымъ.

Я почти обрадовался, прочтя повелѣніе Прус. короля объ уничтоженіи министерства пересмотра законовъ, какъ намекалъ я въ небольшой моей статьѣ 1846 г. Желалъ бы я этой участи и нашему 2-му отдѣленію, особенно теперь по случаю перемѣщенія гр. Блудова въ предсѣдателя Совѣта. Это лишняя и потому вредная степень законодательства: вредная для министерства, которое имъ связано въ своихъ предначертаніяхъ къ улучшенію, вредная для Совѣта, который имъ стѣсненъ въ разсмотрѣніи законовъ.

Говорятъ, Государь отмѣнилъ всѣ предварительныя военныя мѣры. Это вздоръ, я никогда не повѣрю. Продать запасныхъ лошадей конной гв. артиллеріи не значитъ отмѣнить, особенно когда извѣстно, что гренадерскому корпусу приказано подвигаться къ Динабургу. Если мы будемъ въ необходимости вмѣшаться или начать войну Европейскую, мы внесемъ съ нею много Европейскаго въ Россію и, настоящее поколѣніе будетъ въ открытомъ противорѣчій съ своимъ порядкомъ. Избави

Боже этой войны: она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезна, и сомнительно, чтобы даже была успѣшна.

Ужасныя Октябрскія событія въ Австріи ускоряютъ развязку. Надежда на подвиги Радецкаго, Виндишгреца и Елачича дала смѣлость одностороннимъ видамъ Нѣмецкой династіи въ Австріи и пробудила двойное опасеніе зазнавашагося германизма во Франкфуртѣ, опасенія за отдѣльность Австріи, низводимой на степень подчиненной имперіи, опасенія за возстаніе народностей Славянскихъ, опекаемыхъ Нѣмцами. Если бы импер. Фердинандъ могъ думать, что подумалъ бы онъ о дѣйствіяхъ дворцовой своей канцеляріи въ 1847 г. напр. въ Богеміи, наприм. по поводу предложеній князя Ауерсперга, графа Лацанскаго и всей этой Богемской оппозиціи, которой мнѣнія выражены въ голосѣ князя Ламберга 27 Мая 1847 г. Справедливая уступка тогда много отвратила бы несправедливыхъ уступокъ теперь. Гордость тогдашней Вѣны не привела бы теперь орды къ стѣнамъ столицы, готовая стереть ее съ лица земли. Что изъ этого выдетъ? Выдетъ то, что велитъ порядокъ вещей: Славянское начало въ Австріи возьметъ верхъ надъ Нѣмецкимъ и отдѣлится въ видѣ самостоятельнаго государства, а двѣ Австріи и Тироль соединятся, подъ особою главою, съ Германіей. Императоръ Славянской можетъ не подчиняться Нѣмецкой Имперіи и соединить съ собою Венгрію, или отказаться отъ нея. Австрія и Венгрія всегда были врагами Славянъ. Потерявъ числительность, императоръ выиграетъ въ крѣпости: народное Славянское единство скоро окрѣпнетъ, выработаетъ свой общій языкъ и сойдется на своемъ сеймѣ.

Что такое теперешній Сеймъ въ Вѣнѣ? Могутъ-ли любить его Нѣмцы, когда оно на $\frac{2}{3}$ Славянской; могутъ-ли любить его Славяне, когда онъ въ Вѣнѣ и говоритъ по-нѣмецки? Въ Австріи, Пруссіи и почти во всей Германіи, точно также какъ во Франціи, оппозиція низвергла противника, но потомъ хвостъ опередилъ голову. Страмъ, страмъ!

*

Приверженцы и противники гр. Сергѣя Строгонова соглашаются въ томъ, что онъ человекъ отлично умный и образованный и что съ благородствомъ сердца соединяетъ выразительность и твердость правилъ, не поддаваясь произволу власти министра и не раболѣпствуя предъ лицами, удостоенными общественнаго довѣрія. Но противодѣйствіе Уварову и пренебреженіе, оказываемое имъ знаменитымъ въ университетѣ преподавателямъ, не есть ли послѣдствіе своеправія, мелкой зависти и купеческаго дворянства? Я не могу простить гр. Строгонову двухъ распоряженій: стѣсненія поступленія въ университетъ бѣдныхъ и извѣта о коммунизмѣ нашихъ бѣдвыхъ журналовъ. И та и другая мѣры

полезныя, но ихъ слѣдовало привести въ дѣйствіе иначе. Тогда утолилось бы и стремленіе богача-аристократа и польза въ постепенномъ развитіи просвѣщенія осмотрительнаго.

Вотъ и еще дѣло полуслужебныхъ мошенничествъ: злоупотребленія по обществу громоздкихъ вещей, учрежденному лицами, пользовавшимися властію по положенію своему и довѣріемъ генераловъ Кавелина и гр. Бенкендорфа, Оводовымъ и Килчевскимъ, къ которымъ выгоды привлекли и другихъ лицъ, не менѣе значительныхъ: вездѣ встрѣчаемый Дубельтъ, банкротъ Кусовъ, предпріятель Гр. Эссенъ-Штенбокъ Фермеръ, акуторъ Шольцъ и сенаторъ Боровковъ. Любопытно читать, какъ эти лица, запутавшись въ мошенничествахъ, вертятся въ своихъ объясненіяхъ и какъ умные люди прекрасно пишутъ о низкихъ дѣйствіяхъ. Я полагаю (и тѣмъ болѣе мое мнѣніе на консультаціи) не только направить дѣло къ уголовному суду, но и прибавить о мѣрахъ огражденія обществъ участіемъ въ ихъ постановленіяхъ независимаго чиновника отъ правительства. Общественность и гласность здѣсь ничего не помогаютъ. Директоры открыто говорятъ, что печатные отчеты были обманъ для завлеченія, и сами винятся въ употребленіи въ свою пользу суммъ общества, въ выдачѣ двойныхъ ММ акцій, въ подставкахъ, подлогахъ и умысленной запутанности отчетности. Компания пишетъ, что готова скрыть эти преступленія, лишь пополня недостатки.

Дѣла все болѣе и болѣе запутываются въ Германіи: она переживаетъ свои 90-е годы и въ этихъ смутахъ и волненіяхъ отвыкая отъ стараго порядка, невольно и незамѣтно приучается къ новому, между тѣмъ какъ этотъ новый порядокъ уже опредѣленно выражается хотя въ поспѣшныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ постановленіяхъ и въ Вѣнѣ и Берлинѣ и въ Франкфуртѣ и Бернбургѣ. Феодалныя учрежденія уничтожены. Нельзя не замѣтить, что они уничтожены съ потрясеніемъ и ущербомъ права собственности. Сколь ни важно это уничтоженіе, имѣющее свою даже хозяйственную пользу въ раздробительности имуществъ и умноженіи самостоятельныхъ гражданъ, оно на первое время, довольно продолжительное, появится въ осязательно невыгодныхъ послѣдствіяхъ: въ обѣдненіи и въ упадкѣ образованности, которой такъ необходимы довольство, даже роскошь со всѣми ея принадлежностями. Обѣдненіе приведетъ къ простотѣ и скромности. Все это еще далеко, а до сихъ поръ—раздраженіе, бой и кровь. Преобразования 1848 г. пошли далѣе 90 года: какое-то стоглавое мнѣніе поднялось и воиетъ вездѣ противъ ограниченій. Стремленіе, запальчивость подмываютъ самыхъ скромныхъ. Икаль только того, что пройдя десятки лѣтъ и повидимому достигнувъ желаемаго, стремительное поколѣніе, ища уто-

ленія, въ своекорыстіи,—какъ и всегда и вездѣ—придетъ къ вопросу: какъ, только-то? Любовь, чистая любовь въ добротѣ сердца,—вотъ единственный утоляющій источникъ.

Сегодня, 20 Октября, пріѣхала вел. Княгиня Ольга изъ Штутгарта. Наша красавица, говорятъ, похудѣла и при свиданіи въ рыданіяхъ бросилась на грудь отца, крѣпость котораго теперь крѣпче всей Европы. Княгиня пріѣхала на короткое время, вѣроятно отдохнуть отъ безпрестанныхъ опасеній. Говорятъ, что она такъ понимаетъ свое положеніе и такъ привыкла къ мысли о требовательности, что удивляется тѣмъ, которые ей удивляются.

*

Вотъ рѣшился вопросъ нашъ о предсѣдателѣ. Назначенъ военный министръ кн. Чернышевъ. Это въ порядкѣ, кстати и намъ къ лицу. Особеннаго ожидать ничего нельзя. Кн. Чернышевъ много сдѣлалъ для военнаго министерства, но тамъ у него работали Клейнмихель, Бри-скорнъ и Позень, и тамъ отдѣльность вѣдомства развязывала руки. Здѣсь не то. Но, какъ вездѣ, и при настоящемъ назначеніи не обошлось безъ особенности: членомъ Совѣта сдѣланъ генераль Анненковъ, Ник. Никол., человѣкъ, по общему отзыву, совершенно ничтожный. Ошибкою онъ былъ предсѣдателемъ о безчиновномъ комитетѣ товарищей министровъ. Теперь—продолженіе этой ошибки.

Но говорятъ, и я этому вѣрю, о постоянномъ порядкѣ, обратномъ Западному. Желалъ бы я знать однако, у кого станетъ силы и смѣлости, чтобы установить что нибудь обратное порядку общепринятому? Установленіе Англійской аристократіи у насъ рѣшительно невозможно, ограниченіе умноженія класса выходцовъ и средняго сословія совершенно не въ Русскомъ духѣ. И то и другое идетъ быстро, и уже теперь многія учрежденія несогласны съ общепринятыми убѣжденіями. Лучшая политика и предусмотрительность должна быть правда и уваженіе правъ естественныхъ, правъ человѣческихъ, которыя неотчуждимы и незаглушимы.

Между тѣмъ какъ въ Саксоніи палата и министерство плачутъ и горячатся о казни Роберта Блюма, называя его святымъ мученикомъ свободы, Саксонскій посланникъ баронъ Зеебахъ простудился и получилъ отъ тестя рецептъ *d'une guérison sûre et garantie: le général Wrangel est entré à Berlin à la tête q'une armée, et lo chambre dissoute, Bobert Blum est fusillé à Vienne, occupée pur le prince Windischgraezt; levez-vous!* И это называютъ откровенными дѣйствіями и отъ этого ожидаютъ прока и спокойствія!

А между тѣмъ событія изъ Вѣны перешли въ Берлинъ и здѣсь могли повториться, если бы ученое начало Пруссіи и ея короля не

превратило эту государственную борьбу въ соперничество писака и правовѣдовъ. Здѣсь борьба болѣе открытая, и собраніе рѣшительно возстало противъ правительства. Кромѣ ученаго начала, борьбѣ, по примѣру Вѣны, мѣшаетъ и невозможность отложиться отъ Франкфурта. Событіе это и въ послѣднемъ отношеніи весьма важно: оно или утвердитъ или окончательно уронитъ общую власть, и въ первомъ случаѣ Австрія заплатится за пренебреженіе, оказанное Германіи. Я полагаю, что министерство Бранденбургъ-Мантейфель не удержится, а перемѣна его будетъ знакомъ слабости, которая образуетъ и въ новой палатѣ сильное противодѣйствіе правительству. Самое послѣдованіе требованію Франкфурта не принесетъ много пользы. Франкфурту недостаетъ внутренней силы: рѣчи знаменитыхъ его ораторовъ рѣдко имѣютъ положительность и всегда заражены одностороннимъ, пристрастнымъ духомъ. Рѣчь Вельнера, послѣдняя, тяжела и натянута, какъ ученая статья, рѣчь Ф. Финка слаба, какъ необязательное разсужденіе. Онъ думаетъ, что онъ на сеймѣ 1847 г. Рѣчь Бассермана есть скрытое раскаяніе отсталаго вольнодумца, который перепуганъ послѣдствіями прежнихъ своихъ начинаній и который въ этомъ расположеніи прибѣгаетъ даже къ искаженію событій.

Въ Пруссіи много кричатъ, еще болѣе пишутъ. Иногда дерутся, чаще грозятъ. Король ищетъ правовѣда, чтобы объяснить его права. Магистратъ, для уличнаго объявленія, пишетъ воззваніе—книгу: есть охота и время писать и читать! Потрясеніе единодержавнаго начала таково, что одинъ сорванецъ, начавъ съ Италіи, можетъ произвести общій переворотъ, воспользовавшись недовольными, число которыхъ увеличивается самыми побѣдами. Недалеко ушла образованность, если положеніе ея можетъ зависить отъ одного сорванца!

*

Дѣла мои по Сенату идутъ хорошо. Я съ удовольствіемъ сознаю, что работаю безкорыстно, съ пользою и неумоимо. Но испытаній доброжелательному стремленію много. Главное—дрязги переписки. Можно положительно утверждать, что она терпится для отвлеченія отъ предметовъ полезнѣйшихъ: меньше будутъ писать, больше будутъ разсуждать.

Отношенія къ старикамъ сенаторамъ просты: они ничего—ничего—не знаютъ и слѣдовательно всему вѣрятъ. Довѣріе ко мнѣ подрывается зависимостью ихъ отъ канцеляріи, по карандашу которой они пишутъ заключенія. Горько и возмутительно. Довѣріе канцеляріи подрывается или нечистыми видами, какъ г. Благочевъ, или самолюбіемъ, какъ г. Гауеръ. Довѣріе это однако и вредно: съ нѣкотораго времени я

замѣчаю безопасность, происходящую отъ надежды, что „онъ замѣтитъ и поправитъ“.

Отношенія съ министерствомъ несовсѣмъ пріятны. По двумъ моимъ представленіямъ данныя разрѣшенія совершенно перепортили примѣненіе.

*

Грамоты нашего Государя Радецкому, Вандишгрецу и Телачичу замѣчательны. Вторая по-русски обнародована не въ томъ видѣ какъ по-нѣмецки (Рг. 31 Сент. 1848 № 209), а третья (№ 207) совсѣмъ по-русски. Она и напечатана, а между тѣмъ въ ней признаются „достохвальныя стремленія къ уравненію правъ разныхъ племенъ“ и пр.

*

Сего дня умеръ митрополитъ Антоній. Ни духовные, ни свѣтскіе объ немъ не жалѣютъ. Орудіе видовъ, онъ уронилъ значеніе сана въ глазахъ святошъ и кощуновъ; ни жизни, ни учености, ничего въ немъ не было замѣчательнаго. Улыбающееся лицо, большая борода, проворная рука и какая-то неприличная намъ свѣтскость домоустройства. Онъ погребенъ подъ иконостасомъ въ Лаврѣ. Преемникъ ему назначенъ Никаноръ, тоже изъ Варшавы. Въ Москвѣ старѣютъ два народные челоѣвка, Филаретъ и Ермоловъ; ни тотъ ни другой не всплывутъ надъ ничтожествомъ; есть у насъ какое-то неодолимое развитіе ничтожныхъ правителей. Порядокъ вещей возметъ верхъ, и какъ удивятся правители эти, когда увидятъ, что сила ихъ уже не властвуетъ надъ силою напершихъ обстоятельствъ!

Мнѣ приходится часто разбирать жалобы чиновниковъ на неуплату долговъ; я выговариваю, усовѣщаю: какъ это не хорошо, что лучше перетерпѣть нужду, что это вредитъ въ мнѣннн начальства; а между тѣмъ судья дѣлаетъ хуже подсудимыхъ: онъ беретъ деньги у своего казначея. Нужда велика. Я не знаю только, отъ чего гр. Панинъ желаетъ держать меня въ этой нуждѣ, предоставляя богатымъ богатое содержаніе.

*

Вотъ по немногу проясняется и кругозоръ Германіи: въ Австріи Фердинандъ отказался: этого мало—отказался и прямой наслѣдникъ Францъ-Карль и вступилъ на престолъ Францъ-Иосифъ, юноша 18 лѣтъ. Въ Пруссіи король наконецъ распустилъ палату; этого мало—онъ удержалъ и министерство Бранденбургъ-Мантейфеля, но онъ составилъ свое государственное положеніе въ видѣ опыта до Февраля. Чтò это значить? Уступки, уступки и уступки. Новое сопряженіе обстоятельствъ, удаляющее правильное и естественное положеніе дѣлъ. Почти открытое противодѣйствіе Франкфуртскимъ началамъ. Чтò такое юноша импе-

раторъ, когда и стариковъ не уважають? Чтò такое государственное уложеніе въ видѣ повелѣнія, когда и согласныя рѣшенія сеймовъ оспариваются? Это полумѣры, которыя только раздражаютъ противныя стороны и, раздраживъ нарушеніемъ обряднаго порядка, дадутъ поводъ къ основательному возраженію.

Изъ Ольмюца пріѣхалъ эрцгерцогъ Вильгельмъ. Государь чрезвычайно радъ и веселъ; но не новая-ли для насъ опасность въ государствахъ Славянскихъ, намъ сродныхъ и сопредѣльныхъ? При установленіи порядка эти сосѣди, съ ихъ вольностями, будутъ прямыми нашими противниками, и самая связь ихъ правительствъ съ нами не прочна и обратится къ большому раздраженію недовольныхъ. Чѣмъ далѣе мы отъ бездны, тѣмъ уравнильнѣе будетъ наше развитіе и тѣмъ болѣе и прочнѣе наше благоустройство.

6 Декабря прошло безъ большихъ милостей. Князь Воронцовъ получилъ портретъ и, кажется, по слѣпотѣ долженъ удалиться. Кто вмѣсто его? Если бы Аргутинскій былъ не молодъ въ государствѣ, онъ, кажется, былъ бы лучшимъ начальникомъ. Назначаемый мнѣніемъ гр. Киселевъ человѣкъ не для войны и не для горцевъ. Генераль Шулгинъ получаетъ пятую награду, Александровскую ленту. Чтò за роскошь? Онъ долго былъ въ опалѣ.

Выборъ Луи-Наполеона, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Право его—имя, твердость его ожиданія. Хотя *il est fait du bois, dont on fait les rois*, но надобно многимъ пожертвовать въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы вѣрить прочности подобнаго порядка. Луи-Наполеонъ будетъ или въ зависимости министровъ или, отвергнувъ зависимость, долженъ сдѣлаться головорѣзомъ и въ смутахъ искать утвержденія славою. Онъ не можетъ быть прочнымъ и потому, что ожиданія толпы несбыточны, а обѣщанія его неисполнимы. Нѣтъ, это не представляетъ ручательства прочнаго порядка. Впрочемъ возбужденные общественные вопросы такъ обширны и такъ глубоко проникаютъ во всѣ мелкія отношенія жизни и государства, что и великій умъ поколеблется предъ порядкомъ, долженствующимъ оскорбить лучшую часть народонаселенія и образованность.

Я видѣлъ нѣсколько разъ Фанни Эльснеръ, соперницу М. Таліони. Нѣтъ, это не Таліони, это отличная танцовка не болѣе. Нѣтъ ни благородства первой, ни ея выразительности мускуловъ, ни ея могущества, ни ея летучести. Ципочки и ципочки—вотъ конекъ Эльснеръ. Впрочемъ нѣтъ и тѣни того удивленія, которое нашла у насъ Таліони. Или мы тогда были моложе и впечатлѣніе было первое, или дѣйствительно Таліони неподражаема, только въ то время не видать было бы для меня лишеніе, а видѣть теперь небольшое удовольствіе. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ нашихъ иногда не хуже Эльснеръ; въ нихъ недо-

стаетъ выдержки и твердости ногъ, т. е. въ нихъ не достаетъ продолжительныхъ упражненій по любви къ искусству.

Нѣсколько дней толковъ о рѣшеніи дѣла Клевенскаго, похитившаго изъ управы деньги графини Браницкой. Общее мнѣніе то, что судъ былъ Шемякинъ. По моему мнѣнію судъ произнесенъ справедливо, сколько справедливость могла быть въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Картежниковъ можно изобличать въ мошенничествѣ, но не въ воровствѣ, а здѣсь главное—воровство.

Меня поздравляютъ съ разными назначеніями и между прочимъ съ вице-директорствомъ. Назначеніе, кажется, я долженъ получить, но вице-директорство (всегдашнее мое желаніе) едва ли согласно съ предположеніемъ директоромъ—Быкова. Я думаю, меня оставятъ здѣсь, во 2 отд. 5 деп.; это сообразнѣе принятому гр. Панинымъ порядку. Не хотѣлось бы мнѣ оставаться въ этомъ департаментѣ: онъ скученъ, дуренъ и тяжелъ, но разъ основавшись, я устрою его и конечно буду полезенъ, хотя въ министерствѣ, съ независимымъ управленіемъ уголовною частію, могъ бы быть полезнѣе. Впрочемъ я думаю, что окончательное мое назначеніе еще подождетъ. 24 Декабря 1848 г.

Вотъ и конецъ страшнаго 1848 года, значеніе котораго рѣзко будетъ въ вѣкахъ прошедшихъ и будущихъ. Онъ начался бранью короля Луи-Филиппа и кончается вынужденнымъ насиліемъ военной власти короля Прусскаго и императора Австрійскаго. Дай Богъ, чтобы 1849 г. привелъ къ примиренію, чего я не ожидаю и не пойму, если бы оно случилось. Завоеванія народа слишкомъ велики, чтобы уступившая имъ сторона могла имѣть достаточныя огражденія прочнаго порядка. Обуреваній, можетъ быть, менѣе шумныхъ, обѣдненія, ослабленія достоинства, узъ и законности—вотъ чего надобно ожидать отъ всплывшихъ на поверхность ученій. Время грустное и безутѣшное, ибо нѣтъ никакого убѣжденія, никакого вѣрованія, на которыя бы слабость гражданина и человѣка могла опереться. Раздраженіе соперничающихъ сторонъ такъ сильно, разномысліе ихъ такъ противоположно, что сближенія ихъ ожидать еще нельзя, а безъ сближенія невозможно выработаться общему опыту.

Нельзя не сознаться, что 1848 годъ есть новый, болѣе обширный кругъ 1790 года. Менѣе жестокости и казней по закону. Жестокости и казни случались какъ исключенія и при томъ съ обѣихъ сторонъ: к. Лихновскій во Франкфуртѣ, Робертъ-Блюмъ въ Вѣнѣ. Игра и своемысліе областныхъ мѣстностей во Франціи 1790 г. повторялась въ соперничествѣ народныхъ мѣстностей во всей Европѣ; Итальянская. Нѣмецкая и Славянская выставились и выразились довольно опредѣленно.

Отнынѣ это начало будетъ дѣйствующимъ даже тогда, если бы о немъ не упоминали въ договорахъ и учрежденіяхъ.

Но между тѣмъ какъ въ Европѣ совершается преобразование этихъ вещественныхъ началъ, во Франціи начинается другой, высшій, порядокъ развитія: новое ученіе, извѣстное подъ наименованіемъ социалістовъ и коммунистовъ, грозитъ страшнымъ распространеніемъ. Оно подрываетъ собственность и семейство со всѣмъ цвѣтомъ настоящей образованности, со всѣми благодѣяніями ея, неуравнительно распредѣляемыми. Ученіе прилипчивое по множеству неимущихъ, которымъ оно обѣщаетъ обезпеченіе, ученіе удобопріемлемое, потому что, низложивъ всѣ власти, время дастъ право гражданства началу встрѣчному и поперечному.

Если это знаменуетъ новый порядокъ жизни, надобно ожидать общаго упадка, своего рода дикости, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ новаго порядка.

Изъ государствъ устояли только Швеція, Англія и Пиринейскій полуостровъ (если только онъ стоялъ); но въ Англіи были такія явленія, какихъ никогда не бывало и едвали не слѣдуетъ ожидать важныхъ преобразованій. Въ Швеціи и Норвегіи царствующій домъ слишкомъ мало имѣетъ, а неимущія сословія слишкомъ мало могутъ. Всѣхъ болѣе потрясена старая Австрія. Пренебреженіе, которое лежало на ней въ общемъ мнѣніи и особенно въ Германіи, такъ озлобило народъ, что онъ почти забылъ свое Нѣмецкое достоинство и готовъ былъ броситься хотя въ Венгерскія или Славянскія объятія, которыя его задушатъ. Напоръ такъ все поколебалъ, что ни народъ, ни власть образумиться не могутъ и, кажется, долго еще не приложатъ головъ, какъ бы выдти изъ этого положенія. Безъ единства не можетъ быть власти, а единство это рѣшительно невозможно, ибо орудія прежняго принужденія не существуютъ. Въ пылкой Франціи преобразованія смѣнялись по днямъ и часамъ. Въ чаду волненій самолюбивый народъ не замѣчаетъ, что первенство его рушилось. Въ этомъ смыслѣ упадокъ государства обнаружится несомнѣнно, и Французское тщеславіе, въ безсиліи между сравнявшимися, будетъ глотать само себя. Странное орудіе—новое ученіе—не можетъ удовлетворить этому тщеславію. Возвратится ли монархія? Согласится ли кто занять ее? Нѣтъ и нѣтъ. Удержится ли Наполеонъ? Нѣтъ. Явится ли сильный учредитель? Нѣтъ. Государство это должно долго, долго быть поприщемъ соперничества мелкихъ, судейскихъ, нерѣшительныхъ. Смѣлѣе другихъ Ледри-Ролленъ, но онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ. Опредѣлительнѣе всѣхъ Распаль, но ученіе его еще на значеніи разбоя.

Всего грустнѣе смотрѣть на Пруссію. Не за грѣхи ли предшествующія казнится эта умная страна? Представители вѣка Пій IX и Фридрихъ Вильг. IV сдѣлались его мучениками и въ правѣ обвинять подданныхъ въ черной неблагодарности. Можетъ быть, виною этого неполная искренность; по моему мнѣнію, просто негеніальность ихъ: они не умѣли предвидѣть, что событія опередятъ ихъ начинанія.

Грустно смотрѣть на людей, призванныхъ руководить своими согражданами. Старые ли грѣхи или новость положенія, но все они впадаютъ въ двѣ крайности: робки до слабости, назойливы до одуренія. Во Французскомъ собраніи лучшіе замараны предъидущимъ временемъ, худшіе избалованы неожиданнымъ успѣхомъ. Палаты Австрійская и Берлинская подражаютъ конвенціи стараго времени. Изъ личностей отдѣляются: Кавельякъ, которому страхъ неожиданностей съ Іюня по Декабръ подчинилъ все собраніе. Самъ онъ стоитъ на перепутьи между началами, которымъ надобно-бы быть, но которыхъ онъ не въ силахъ ни выразить, ни примѣнить, и событіями, которыя онъ признаетъ, охуждая, и попускаетъ, не управляя. Тьеръ становится какимъ-то общимъ ходатаемъ, Маррасть—вмѣсто предсѣдателя играетъ преподавателя, Ледрю-Роллель—желающій мутить, мутить и только мутить, а что изъ этого выработается, Богъ вѣсть; Лямартинъ—болѣе чувствующій, нежели понимающій, Лямене—болѣе понимающій, нежели чувствующій. Все прочее второстепенно до обыкновеннаго.

Собранія Австрійское и Прусское бѣдны. Первое по непривычкѣ, второе по истощенію выборами 1847 и выборами для Франкфурта. Для освоеннаго съ преніями Французскими и Англійскими собранія эти представляются ничтожными.

Лучшіе представители во Франкфуртѣ, но здѣсь не менѣе замѣтны двѣ крайности: исключительность отвлеченій, доведшая до того, что они едва встрепенулись о особенномъ составѣ и положеніи Австріи, и вторая крайность—какое-то студенческое обращеніе съ властію, оскорбляющее и ея достоинство и должное приличіе.

Въ виду этихъ событій еще величественнѣе представляется наше великое отечество. Молитвою о ея твердости и о низпосланіи мудрости правительству и доброй совѣсти народу оканчиваю я послѣдній часть этого года. 31 Декабря 1848 года.

(Продолженіе будетъ).